

2
f 52

III. Уметалчев

2010

2018

С. (К. 1977)
У 52

Т. У М Е Т А Л И Е В

Весенние струны

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

110772

Жалал-Абдинская
областная библиотека
ИЗДАТЕЛЬСТВО

КИРГИЗСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ф Р У Н З Е

| . 9 6 |

Жалал-Абдинская
областная библиотека
ИНВ. № 24439

У-528

Сборник стихотворений и поэм «Весенние струны» (переводы С. Сомовой и В. Семенова) дает русскому читателю яркое представление о творчестве известного киргизского поэта Темиркула Уметалиева.

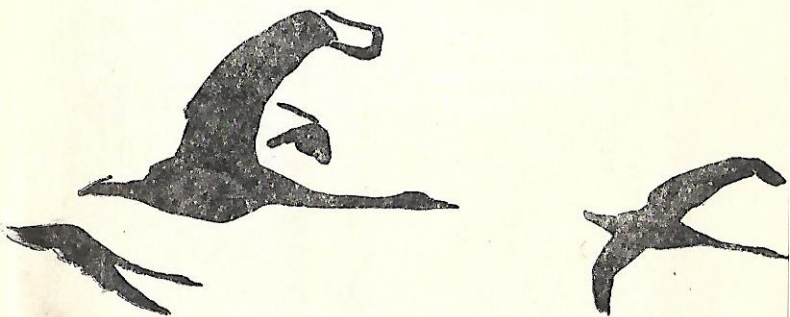
Основные мотивы, пронизывающие произведение, представленные в сборнике, — одухотворенная, всепобеждающая любовь поэта к родной земле, ко всей нашей великой многонациональной Родине, к чудесным нашим людям, прославляющим ее своим самоотверженным трудом. Сильна тема интернационального братства между народами. Полна обаяния, глубокой душевной нежности и жизнеутверждающей мажорности любовная лирика Т. Уметалиева.

Суровым напоминанием о пережитом в годы Великой Отечественной войны звучат стихи «Из фронтовой тетради». С особой силой об этом напоминает поэма «Кубат», в которой создан выпуклый, запоминающийся образ бесстрашного солдата тех лет борьбы советского народа против гитлеровских захватчиков — гвардии политрука Кубата Джуматаева.

Поэма «Кундузкан» повествует о мирных трудовых буднях хлопкоробов Юга Киргизии. В ней рассказана история любви сборщицы хлопка Кундузкан и джигита Сыргака Урмамбекова.

Киргиз.

СТИХОТВОРЕНИЯ

У Чинара

Чинара в пустыне средь мертвого зноя —
Спасенье от смерти и посох в руках,
Могущество доброе и вековое,
Воспетое в наших восточных стихах.
Чинара Советов! Ты встала в пустыне,
Корнями могучими в землю вросла,
Ветвями могучими в небо вросла,
В тени твоей доброй мы ожили ныне,
Дары золотые нам жизнь принесла,
Лети же, крылатое сердце поэта,
Вперед молодые крыла устреми!..
Певцом твоим стал я, чинара Советов,
Мою благодарную песню прими.

ПАМИРСКАЯ ДОРОГА

Легла Памирская дорога среди гор,
Где ветер лишь скитался до сих пор,
Теперь в машине мчись во весь опор,
Высокогорный открывай простор.

В Талдык я из Оша так проезжал,
За перевалом брал я перевал.
Там летом снег блестел на срезах скал,
Оледенев, висел потока вал.

Моя «победа» вверх, как ястреб, мчит,
И вниз скользит, и словно барс рычит,
Ей сердце встречный ветер горячит,
И расступается пред нею гор гранит.

И ахнуть не успел — уж под горой
Река мелькнула синей чешуей,
И на дороге — горец пред тобой,
С большой, кумысом полной, пиалой.

Радужны горцы и к гостям добры,
Они разводят на пути костры,
Шашлык готовят, задают пиры,
Приносят путнику свои дары,

В Гульче увидишь серебро джиды*,
Плоды, как звезды, звезды, как плоды,
Там шелестят цветущие сады
И день, и ночь под музыку воды.

А из Гульчи ты попадешь в Алай,
На родину певцов, в былинный край,
Надвинь на брови лисий малахай,
Возьми комуз — запой и заиграй.

Длинна Памирская дорога, ой, длинна!
А наша юность — коротка она...
И все ж дорога с юностью равна:
И быстротой, и новизной полна.

* Грудная ягода.

ТАНЦОВЩИЦА

Ты, как цветок, цветешь, не отцветая,
Как мотылек, летишь, не улетаю.
Горят ли ушки у тебя, красавица:
Шум о тебе идет, не умолкая?

Любуюсь вместе я с людьми тобою,
Любуюсь и печалюсь красотой:
Воюсь, чтоб кто-нибудь тебя, красавица,
Не оскорбил недоброю молвою.

Цветок увянет от прикосновенья,
Погибнет мотылек от дуновенья.
И ты должна тем строже быть, красавица,
Чем мягче прелесть твоего цветенья.

О чем я? Что я?.. Красота такая
Живет меж нами, души возвышая!
Как лебедь белая, плывешь, красавица,
Озерные просторы раздвигая.

То кружишься веретеном веселым,
То вдруг замрешь... Движением, как словом,

Рассказываешь сказку ты, красавица,
О счастье новом сказку новоселам.

С видением волшебным как расстаться,
Как не грустить с тобой, не улыбаться?..
Ты — Айчурек, летящая красавица,
Ты мастерица сказочного танца.

Не настигла беда, не обидело зло,
Почему ж на душе у меня тяжело?
Почему что-то гложет и точит меня
В этот час, когда солнце сияет светло?..

Потому что не пишется! Слов не найду
Я для песни своей и скитаюсь в саду,
Словно нищий, я руку готов протянуть,
Да напрасно: никто не подаст на беду!

Не люблю я истертых, затасканных слов,
Замусоленных в чьих-то руках пятаков,
Я хочу, чтоб светились слова, как лучи,
Расцветали под солнцем прекрасней цветов.

Я на свете одною надеждой живу,
Что однажды слова-эдельвейсы сорву,
К песне, только что спетой, прильну головой
И увижу свой солнечный сон наяву.

И услышу в предутренней я тишине,
Как поет моя песня, склонившись ко мне,
И могучее эхо столетних вершин
Повторяет ее в снеговой вышине.

ВЕТЕР

Ветер, ветер! Эй, приходи,
Мой горячий лоб охлади,
Песню подхвати из груди,
С песнею лети впереди.

Ветер, ветер! Эй, прилетай,
Труд мой до небес поднимай,
Лень мою встряхни ты за край,
Ключьями кошмы разметай.

Ветер, ветер! Свеж будь и лих,
Чтоб костер души не затих,
Чтоб, от рук сбежавший моих,
Снова подчинился мне стих!

ВЕСЕННИЕ СТРУНЫ

Весна пришла. Теплее греет солнце,
Земля растаяла, растет трава.
Девичий смех недаром раздается,
Недаром ярче неба синева.

А степь-то, степь!.. Она в лучах смеется,
Как будто шепчет нам едва-едва:
Земля растаяла, теплее солнце,
Растет-растет весенняя трава!

Овец отара под горой пасется,
Поет чабан о том, что жизнь жива,
О девушке, что завтра улыбнется,
А нынче песни слушает слова.

Звени, комуз! Пусть песня вдаль несется
И предъявляет юности права!..
Весна пришла. Теплее греет солнце,
Земля растаяла, растет трава.

ДУМА О ЛЕНИНЕ

Когда я «Ленин» говорю,
То голос мой звучит сильней,
Когда я «Ленин» говорю,
То жизнь становится светлей,
И сердце музыкой полно,
И как комуз, звенит, поет,
Стучит в груди моей оно,
Бесстрашно просится в полет.

Когда я «Ленин» говорю,
То горы смотрят на меня,
Как бы приветствуют зарю,
Седые головы склоня.
А молодежь лучами глаз
Блестит в вечерней темноте
И жадно слушает рассказ
О мудрости и чистоте.

Когда я «Ленин» говорю,
Когда его делам дивлюсь, —
Как будто чудеса творю,
Добрей и чище становлюсь,
Как будто за плечом моим —
Великий мужественный друг,

Что дал мне мужеством своим
И зоркость глаз, и силу рук.

Когда я «Ленин» говорю,
То песня льется из груди.
Я с ней над крутизной парю
И вижу солнце впереди
Над крепостью — страной моей,
Оплотом дружбы и любви,
Что Ленин создал для людей,
Для вас, товарищи мои!

Когда я «Ленин» говорю,
То вижу множество друзей
И в день наш завтрашний смотрю,
В день завтрашний планеты всей.
День коммунизма золотой
Хочу увидеть наяву,
Его я жажду всей душой —
Его увижу. Доживу!

РОДНИК

В те дни, когда на прутике верхом
Я прыгал, словно на коне лихом,
Чудесный случай удивил меня,
И до сих пор я не забыл о нем.

Однажды в центре нашего двора,
Как будто треснула земли кора,
Наверх пробился маленький родник
И раззвенелся звонче серебра.

Что делать с ним?.. Засыпали землей,
Но землю эту он размыл струей
И снова под ногами засверкал
Беспечною серебряной игрой.

Камнями забросали мы его,
Ногами затоптали мы его,
А он в другой пробился стороне —
И не могли с ним сделать ничего.

Как будто мал, а вот — не задержать!
Не дал себя он в землю закопать.

Чуть притаится, замутится чуть —
И бьет ключом светящимся опять.

И вы, слова моих правдивых книг,
Не замирайте в сердце ни на миг,
В стремленье к свету бейтесь с темнотою,
Смелы и чисты будьте, как родник!..

110772

Душман-Абатская
Контр. бня городская
БИБЛИОТЕКА

МОЕЙ ПАРТИИ

Вращен твоим солнцем я,
Коммунистическая партия моя.

Землей моей ты стала и водой,
И небесами стала надо мной.

Ты научила радости в борьбе,
За это благодарен я тебе.

Степь изнывала жаждой вековой —
Ты напоила эту степь водой.

Томились в мраке горные хребты —
Их осветила, оживила ты.

Жил в нищете и рабстве мой народ —
Его ты к счастью повела, вперед.

Я коммуниста именем горжусь,
Во славу партии живу, тружусь.

Услышу я еще о чудесах,
Что в книжных не описаны томах.

Узнаю тайны неба и земли,
Сокрытые в космической пыли!..

И хочется мне солнце в руки взять,
Чтоб наш простор от мрака охранять.

И стать у входа в дом наш на часах
С горящим солнцем времени в руках.

МОЯ ГАЗЕТА

Газете «Советтик Кыргызстан»

Ты открыла мой юный взор,
Показала ты мне простор.
На твоей полосе впервые
Выводил я стихов узор.

А края газетных столбцов
Мне казались острее резцов.
Я испытывал прочность слова
И оттачивал сталь стихов.

«Будешь сильным! — сказала ты, —
В путь к вершинам! — сказала ты, —
Стань народа достойным сыном,
Верным сыном!» — сказала ты.

Выполнять твой наказ святой
Каждой песнею и строкой
Всеми силами я старался,
В обучение взят тобой.

В дни войны даже там, в огне,
Доходил твой призыв ко мне,
Из родимого края вести
Ободряли нас на войне.

В дни труда со страниц твоих
В очи людям глядел мой стих,
Ты была моим верным другом
И крылами стихов моих.

И пока не закрою глаз,
И пока лишу, как сейчас,
И пока мой сын не заметит,
Что огонь над столом погас, —

Буду я гореть для тебя,
И слова строгать для тебя,
Приходить к тебе за заданьем
И стихи писать для тебя.

Ты превыше высоких гор,
Нашей партии дум простор.
Я с твоей высотой сверяю
Стих свой каждый с давнишних пор.

Получу я еще не раз
От тебя боевой приказ...
Я солдат твой, моя газета,
Не хочу уходить в запас.

МОЕ ТОРЖЕСТВО

Сказал мой критик: «Все его слова
Полны безудержного торжества».
А что мне делать, если от удачи
Звучнее голос, выше голова?..

Не видеть счастья, что народ создал?
Не замечать, каким он сильным стал?..
Неблагодарным был бы я невежей,
Когда бы торжества не замечал.

Из тьмы я вышел, пережил беду.
На две лопатки положил нужду,
Зачем же песни петь мне о печали,
Когда звучит девичий смех в саду?

Хожу высотной новою Москвой,
Как будто бы меж солнцем и луной.
Так как же мне не радоваться жизни,
Когда такое торжество со мной?

Ракетой мчимся в космосе седом,
Америку оставив за плечом...
Так как же мне, в восторге замирая,
Не говорить торжественным стихом!

В ГОРНОМ КРАЮ ВЕСНА

Небесная синь ясна,
На знамени — блики лучей,
В ущелье — бурлит волна,
Поет в саду соловей,
Почки блестят на кустах,
Травы растут в лугах, —
В горном краю весна!

Приветствовать Первомай
Народ собрался родной.
С народом и ты шагай,
Схожим с большой рекой,
Реке труда и борьбы
Радость своей судьбы,
Силу свою отдай!

Капля — ничто одна,
Множество капель — река,
Она в половодье грозна,
Она в напоре крепка.
Так человеку народ
Мужество придает,
Мужество — на века!

Семилетия первый год
Ракетой открыли мы,
Рванулись к Луне вперед,
И цели достигли мы.
А если достигли Луны,
Значит — сильным-сильны,
Значит — могуч народ.

Реки с пути свернем,
Раздвинем громады гор,
В недра горные путь пробьем,
Устремим на планеты взор,
Солнце мы приберем к рукам,
Пусть послужит на радость нам,
Озарит темноты простор.

Наша сила морю равна,
Морю в час его штормовой.
Наша сила, словно весна,
Майский праздник справляет свой,
Расцветай же, сад молодой,
Раззвенись же, река, струной,
И над ней, соловей, пой!..

БЕЛЫЙ СОКОЛ

Есть старый обычай в киргизском селенье:
С соседями доброго мира искать,
А если поссорились, в знак примиренья
К ним белого сокола дружбы пускать.

И чтобы расплавить вражды вечный холод
И снег недоверья, и злобы туман, —
Народ наш, как солнце весеннее, молод,
Шлет белого сокола за океан.

И сокол летит над морями, горами,
Он светел с друзьями, с врагами суров,
К далеким народам отправленный нами,
Могучий наш сокол — Никита Хрущев.

Могуч он народа могуществом вешним,
Своим дружелюбием и зоркой душой.
Пути нам открыты, к Луне долетевшим,
Уже подружившимся даже с Луной.

Счастливый Вам путь! — слышен голос эфира,
И верят все люди, надеждой полны,
Что он укрепит дело дружбы и мира,
Не даст разгореться пожару войны.

ЧИНАРА МИРА

Под синими Ташкента небесами,
Где пахнет зной цветами и плодами,
С посланцами из азиатских стран
Мы встретились, как с добрыми друзьями.

Тут был Китай, Непал, Багдад и Дели,
Тут все оттенки смуглоты темнели:
От желтизны до черной черноты,
В которой яркие белки блестели.

И черные глаза с азийским блеском,
То строгие, то в удивленьи детском,
Друг другу улыбались от души
В цветущем, солнечном краю узбекском.

На всех языках строки тут писали,
На всех языках тут стихи звучали,
Певцы Востока — мира соловьи
Тут песню мира вместе запевали.

Тут в чайхане вечернею порою,
Ташкентской освещенные луною,
Мы с черным негром пили черный чай,
Одной обмениваясь пиалюю.

И друг мой сенегальский в этот вечер
Пел песню, нараставшую, как ветер.
И Африки полуденной простор
Как бы качался в ней, огромен, вечен:

«За месяцем месяц по небу спешит,
Я знаю, спешит куда!
Под натиском дружбы вражда бежит,
Уходит с земли вражда.

Широкая чаша полным-полна,
Пусть брат мой ее возьмет —
Не с ядом, не с горьким питьем она, —
Искрится в ней добрый мед.

За месяцем месяц по небу бежит,
Стремимся к свободе мы,
Бежит мир от горя, к счастью спешит,
К солнцу спешит из тьмы.

Дружба светла, а вражда черна,
Сильнее кто — всяк поймет.
Будущим счастьем чаша полна,
Искрится в ней добрый мед».

Так пел он мне, взволнованно, высоко,
Глашатай дружбы, черный сын Востока.
Вскипала песня грозною волной
Против войны восставшего потока.

Под синими Ташкента небесами
Мы встретились сердечными друзьями.
И будет зеленеть чинара мира,
Посаженная нашими руками.

ТУРКМЕНСКИЙ КОВЕР

Я видел девушек над красными коврами,
Над теплыми текинскими цветами.
Я видел дивную работу мастериц
С огромными, оленьими глазами.

С полдневным солнцем схожи красотой,
Глаза следят за нитью шерстяною,
Ткет девушка цветные чудеса
Мелькающей, как ласточка, рукою.

Как эти волны мягкие ворсисты,
Как эти руки маленькие быстры,
Горит ковер, как из арчи костер,
И мечет алопламенные искры.

В нем яркий мак и темный сок граната,
И крови цвет, внезапный, как утрата,
И розовость девической щеки,
Что в первый раз я целовал когда-то.

Как озеро закатною порою,
Ковер переливается игрою.
Альпийский луг или павлина хвост
Разостлан на полу перед тобою?..

Весна ли тут навеки задержалась,
А осень подойти к ней побоялась?..
Ковровщицы ли юной красота
В ее ковре узорном отражалась?..

И если б мне сказали: «С этих пор,
Что хочешь, выбирай себе навеки!» —
Я взял бы краснопламенный ковер
И огнечерные глаза туркменки.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕКИНЕ

Я помню улицы Пекина,
Дворцы, сады, старинный вал
И юношу, в котором сына
Душой взволнованной признал.

Со смуглотою лиц янтарной,
С улыбкой умных черных глаз,
С приветливостью благодарной
Китайцы принимали нас.

Мы с ними вместе отдыхали,
Закат встречали и рассвет.
Казалось, мы душою стали
Моложе на десяток лет.

И юноша, глядевший скромно,
Носивший имя Лю Е-пин,
Взял под руку меня любовно
И мне показывал Пекин.

Доверчиво он улыбался,
Не мог, казалось, отойти.
И мне он сыном показался,
Нежданно встреченным в пути.

Держи, держи меня за руку,
Пекинский юный человек,
На дружбу, а не на разлуку,
На дружбу добрую навек!

Я с ранних лет жил сиротою,
Без матери и без отца,
Жил только дружбою святою,
Хранившей судьбы и сердца.

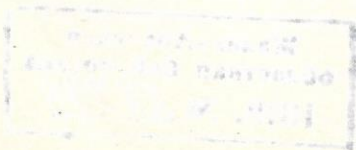
Мой сын, мой брат пекинский дальний,
Я верю верности твоей.
Для дружбы нету расстояний,
Она все крепче, все прочней.

Жадал-Абальская
областная библиотека
ИНВ. № 27449

КАРА-КУМ

Мертв, бесцветен ты в серых барханах..
Что за польза в просторах песчаных?
А копнешь — и найдешь в твоих недрах
Тьму сокровищ необычайных.

И в руках человека забьется
Вся энергия ветра и солнца,
И реки, погребенной песками,
Очарованный яхонт очнется.

КИТАЙСКИЕ ДЕВУШКИ

На лодке они по озеру плыли,
И, словно русалки, прелестными были.
И плыли навстречу им издалёка
В воде отраженные башни и шпили.

И лотос всплывал над зеленой водою,
Жемчужною, влажной светясь белизною.
Он кругл был, как белая юрта вдали
Над ярко зеленой травною степною.

Китайские девушки плыли и пели,
В их песенке горные флейты звенели,
И озеро в их разноцветных платках
Казалось цветущею степью в апреле.

Я рад был всем сердцем веселью чужому,
Словам, что сладки, как бананы Ханджоу,
Глазам, что как жаркие угли горят
Навстречу приветному взгляду и слову.

Одна из них душу мою покорила,
Казалось, таится в ней добрая сила,
Казалось, что дружбе она и любви
Всю радость свою и всю жизнь посвятила.

Глядела она на людей с добротою,
С душевной, доверчивою красотою.
И если вручишь ты ей дружбы цветок,
Он будет цвести и суровой зимою!

Так пусть же; как озеро не иссякая,
Как солнце полдневного юга сверкая,
Живет в наших душах большая любовь,
Надежды людей и народов сближая.

ЧУДО КИТАЯ

Тянь Мин-ху!* Это озеро синей любви,
Тянь Мин-ху! Это счастья зеленый сад.
Если пловец ты — по синим волнам плыви,
Если садовник — по саду броди наугад,
Если строитель — секрет мастерства угадай
Тут, в Тянь Мин-ху, возле чуда, что создал
Китай.

Тянь Мин-ху! Перламутрово-белый корабль
У синей воды веками стоит на причале.
Над ним — в облаках розоватых небесная
даль,
И желтые звезды над ним расцветают ночами.
Тянь Мин-ху! Тираны прошли пред тобой
С обагранными кровью, кривыми клинками.
Пришли и ушли, словно ветер они низовой,
Они, как поток промелькнув, поглотились
песками.
Тянь Мин-ху! Ты — вечности белой утес,
Стоишь неподвижно, красой нерушимой
блистая.

Ты в землю и в воду, и в небо китайское врос,
В тебе и упорство, и сила, и слава Китая.

* Парк культуры и отдыха в Пекине.

Тянь Мин-ху! Это озеро синей любви,
Тянь Мин-ху! Это счастья зеленый сад.
Если пловец ты — по синим волнам плыви,
Если садовник — по саду броди наугад,
Если строитель — секрет мастерства угадай
Тут, в Тянь Мин-ху, возле чуда, что создал
Китай.

ПОДАРОК ПОЭТА

Я не привез вам белого коня
Быстрее ветра, горячей огня.
Для дорогого братского народа
Ценнее есть подарок у меня.

Привез сюда я песни Токтогула
От ледяных ущелий, полных гула,
От синих гор, где радуга вспорхнула,
От красных маков горного аула.

Привез я дружбы солнечное слово,
От молодых джигитов Ала-Тоо,
Чья дружба крепче кряжа векового,
Чья сила к подвигам в труде готова.

Привез привет от девушек прекрасных,
От белолицых, словно луны, ясных,
От черных глаз и губ, как вишни, красных,
От голосов девичьих, сладкогласных.

Привет от гор, снегами осиянных,
От молодых лугов благоуханных,
От гибких лоз и листьев виноградных,
И от степей Манаса легендарных.

Привет от рек и водопадов горных,
От белоснежных лебедей озерных,
От стариков, по-юному упорных,
От круглощеких малышей задорных.

Мой брат казах! Прими подарок брата,
В ответный дар не поднеси мне злата:
В ответ на дружбу — только дружба плата,
А дружбою Киргизия богата.

Так пусть же наша дружба будет чистой,
Как родники моей страны гористой,
Как в чаше виноградный сок искристый,
Как в новолунье серп луны лучистый!

Я не привез ни табуна коней,
Ни лисьей шубы, пламени красней...
Привез я дружбу вам свою в подарок,
А дружбы в мире есть ли что ценней?

ТУРКМЕНСКОМУ ДРУГУ

От Тянь-Шаня далек Копет-Даг твой седой,
Но звучит твоя песнь над киргизской землей.
Близнецы наши песни родством языка
И судьбой кочевой, смуглотой золотой.

Освещает дома наши, брат мой поэт,
Ильичевых огней удивительный свет.
При их свете, над книгою Маркса склонясь,
Изучаем мы путь в дали будущих лет.

И туркменский Джейхун, и киргизский Нарын,
Направляясь к Москве, мчатся с горных
вершин.

И впадают они в одно море — в Арал.
Путь единый у рек. И у нас — путь один!

* * *
*
Если б мне луну достать
И тебе светить, любя,
Чтоб от бед оберегать,
Охранять от зла тебя!

Если б реки перекрыть,
Крикнуть: «Милая, плыви!»
И с тобою вечно плыть
Синим озером любви!

Если б спутником мне стать,
Над землей кружить вдали,
Для тебя бы собирать
Радости со всей земли!

Все бы я свершил в мечтах,
Да рука-то коротка,
Богатырство — лишь в стихах,
Ими и горжусь пока...

* *
*

Как слиток желтого золота, моя бесценная, ты
В расцвете юной и смуглой, солнечной
красоты.

А руки твои, как хлопок, мягки они и чисты,
Джигит, их в ладони взявший, будет навек
счастлив.

Глаза горят, как светильник из драгоценных
камней,
Румяные эти щеки тянь-шаньских маков алей,
А смех твой подобен музыке, звучащей в дали
степей,
Джигит, твой смех услышавший, будет навек
счастлив.

Слова твои — в зной полдневный звон
ключевой воды,
Идешь ты — и горным ветром пахнут твои
следы,
Идешь — и степь зеленеет, и словно цветут
сады,—
Джигит, тебе жизнь отдавший, будет навек
счастлив.

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Я в тоске ожидаю рассвета,
Ночь длинна... О, когда же, когда
Ты взойдешь с тихой лаской привета,
Моя утренняя звезда?

Тучи серые по небу мчатся,
Синий иней лежит на лугу...
Может быть, ты — то самое счастье,
Что не отдал я в битве врагу?

Ты любовь моя, ты моя сила,
Где ж ты, утренняя звезда?..
Хоть бы раз ты меня одарила,
Осчастливила раз навсегда!

СОЛОВЕЙ МОЙ

Соловей мой, пой, распевай,
Юность в сердце буди моем,
Пой, покуда не рассвело
В этом сумраке снеговом.
Голос твой звучит так светло!..
Соловей мой, не улетай,
Звонкой песней наполни дом,
Чтобы все, что давно прошло,
Снова сердце огнем ожгло,
Чтобы мне с моим соловьем
Удлинить срок весны вдвоем!
Пой мне, юность напоминай!

* *
*

Солнцеглазая моя,
Прогоняет тьму твой смех,
Если ж хмуро поглядишь,
Бедный я, несчастней всех.

Чернобровая моя,
Если жажду — ты вода,
Если мерзну — ты огонь,
Ты костер мой в холода.

Вечно юная моя,
Ты нужней воды, огня.
Молви мне: «Моя душа!» —
Слышно только для меня.

БАБЬЕ ЛЕТО

Я встретил женщину, немолодую,
С пунцовыми гвоздиками в руках.
Взглянул — и молодость свою былую
Узнал в ее прищуренных глазах.

Глаза сияли негасимым светом,
Была улыбка красных губ тепла.
Цель невзначай к ней поздним бабьим летом
На миг весна из прошлого пришла?

Привык ее считать я некрасивой
И к одиночеству ее привык,
И вдруг увидел в красоте счастливой,
С пунцовой охапкою гвоздик.

«Иду встречать единственного друга,
Вот видите, цветы ему несу!..»
Но золотой листве ушла упруго,
Неся нетерпеливую красу.

А все любви!.. В ней столько сил таится
И волшебства, и песен, и цветов.
Как необъезженная кобылица,
Она омолаживает седоков.

НЕ СМЫКАЮ ГЛАЗ

О любви веду рассказ
Для нее, Зыйнат моей.
Не смыкаю ночью глаз
Из-за вишеноч-очей.

Я ночей не сплю в тоске
И ревную, и бешусь.
Встречу — к девичьей руке,
Как репей, я прицелюсь.

Как рябина над ручьем,
Юная Зыйнат тонка.
Ловчим беркутом, орлом
К ней лечу издалека.

Ах ты, солнце и луна,
Ах ты, полночь и рассвет!
Аромата ты полна,
Словно яблоневый цвет.

УЛЫБНИСЬ МНЕ!

О, как ты похорошела,
Сердце на тебя дивится!..
Горлинкой была несмелой,
А теперь ты, как орлица.

Раньше ты была прекрасной,
А теперь прекрасней вдвое.
От любви ль моей несчастной
Превращение такое?..

Что с душой творится бедной,
С жизнью что моей творится?..
За тобою, несравненной,
Я мечтой лечу, как птица.

О, как жаль, что не ручей ты —
Я б припал к тебе губами,
Пил бы, чтоб во тьме ночей ты
Потушила жажды пламя!

О, как жаль, что ты не песня,
А коль песня, то чужая..
Я тебя бы пел чудесно,
Пел и пел, не уставая!

Разорви завесу ночи,
Разорви завесу мрака —
Покажи свои мне очи,
Губы, что краснее мака!

Улыбнись мне, улыбнись мне,
Мой цветок, моя отрада!..
Стала ты дороже жизни,
Жизни без тебя не надо.

ЕСТЬ ЛЮДИ ТАКИЕ!*

Мухтару Ауэзову

Есть люди такие на белом свете,
Что доброй душою открыты, как дети.
Увижу Вас — песен созвучья польются,
Как будто храните созвучья Вы эти.

Есть люди с такою красивой душою,
Что радуют землю своей красотой.
Увижу Вас — вижу вершины Тянь-Шаня
С их мощью, гранитною и снеговою.

Есть люди, большие, как дружба святая.
Вас вижу — и словно встречаю Абая,
И к древней домбре прикасаюсь руками,
За вами казахский напев повторяя.

Вас вижу — и словно гляжу на Манаса
На белом коне, на уступе Таласа...
Вам — жить и творить, и душой богатырской
Вам жизни превратностям не огорчаться.

* Написано до смерти Мухтара Ауэзова (ред.).

ЖИЗНИ НЕ ХВАТАЕТ

Читал я Токтогула много раз
И наизусть учил его, и все же
Вновь изумляет он и слух, и глаз,
Все он непостижимей и дороже.

Я посвятил ему всю жизнь свою,
Но мало жизни всей с ее мечтами, —
Когда умру, пусть голову мою
Закроют вместо савана стихами!

ВОИН ДЖУРОБЕК

В селении Джазы, на берегу реки,
В одном колхозе я стихи читал.
Там были юноши и старики,
И оживлен, и светел клубный зал.

Заметил одного я старика
С седою горделивой головой.
Он улыбался мне издалика
С какою-то особой теплотой.

О, как знаком мне этот человек!..
Вгляделся я и с радостью узнал:
Да это он — наш воин Джуробек,
Ведь он нас в партию когда-то принимал!

Тот Джуробек, Абдырасула сын! —
С клинком в руке, на шлеме со звездой,
Он от степей до снеговых вершин
Для басмачей был губительной грозой,

Храбрец с клинком в огонь и в воду шел,
Колхозы создавал в глухих горах.
И до сих пор среди колхозных сел
Живут легенды о его делах.

В Узгене мы не раз ходили в бой,
В огне горели мы, но не сдались.
Быть вместе на земле и под землей
Мы не тогда ль друг другу поклялись?..

И вот теперь сидит он вдалеке,
Сокрытый тишиной и темнотою,
И шрам знакомый на его щеке
Полуприкрыт седою бородой.

А мне обидно, что сижу не с ним,
Что не видался с ним я тридцать лет,
С богатырем седым и молодым,
И закаленным в пламени побед.

Не подошел поговорить со мной —
Иль память друга хочет испытать?..
Мне не забыть вас, командир седой,
И тридцать лет еще не забывать!

Про вас скажу я сыну моему,
Запечатлеть попробую в стихах
Суровых ваших глаз огонь и тьму,
Усмешку мудрую в седых усах.

Пусть знает он, что воин Джуробек —
Народный богатырь, презревший смерть.
Сто лет вам жить, могучий человек,
А нам — о вас, могучем, песни петь!

ДЕВУШКА ИЗ МАРЫ

Сколько солнца во тьме этих черных глаз,
Как марыйский они виноград, как чарас,
Пахнут медом румяные губы твои,
Молви ими хоть слово, порадуй нас!

Косы черные эти бегут по плечам,
Черным блеском играя, сбегают к ногам,
Эти брови особенно дороги мне,
Черной ласточки тонким подобны крылам.

Зубы белые с рисом сравнить я хотел,
С ровным рисом чарджуйским, что крепок
и бел,
Да взглянул — и затих перед их красотой,
От восторга весь мир пред тобой онемел.

Ты молчишь... И, на руки взглянувши тогда,
Понял я: не одной красотой ты горда —
Эти руки, привыкшие хлопок собирать,
Горделивы спокойною силой труда.

Ты увиделась мне над туркменской землей
Украшеньем колхоза, рассветной звездой...
И уж если не хочешь нам слова сказать,
Помаши вдалеке загорелой рукой!

ДЖООМАРТ

Из глубины смятенной Иссык-Куля
До Ала-Тоо каменных высот
Мысль соколиная твоя вспорхнула
И в солнечный отправилась полет.

Пятнадцать лет, как нет тебя меж нами,
А словно — рядом ты, лишь отошел,
Высоколобый, с черными кудрями,
С душевной песней, что для нас завел.

И эти кудри — сказочными были,
А рифмы — круглыми, как облака.
Ручьями ливневыми песни плыли,
Поила травы каждая строка.

Такою жизнерадостной и близкой
Твоя душа певучая была!
Богатырем поэзии киргизской
Тебя недаром Родина звала.

Сжимается душа моя и стонет,
Зову тебя, смотрю по сторонам...
Как можно примириться, что того нет,
Кто был так дорог и так нужен нам?..

Из глубины смятенной Иссык-Куля
До Ала-Тоо каменных высот
Мысль соколиная твоя вспорхнула
И в солнечный отправилась полет.

И пусть печаль, наш спутник неизменный,
Склонится у подножия веков,
Где высятся, как памятник нетленный,
Созвучья джоомартовых стихов!..

КИРГИЗСКАЯ ЗВЕЗДА

Ты знаешь, как прекрасна и горда
Небес киргизских ясная звезда?

Выходит по утрам на небосклон
И называется звездой Чолпон.

Сравню я с этой утренней звездой
Очарованье девушки одной.

Не пудрит щек она, не носит бус,
Но в простоте ее заметен вкус.

Кокетства в ней и тени не найдешь,
А взглянешь — и глаза не отведешь,

Она — цветок весенний, луговой,
Еще покрытый утренней росой.

Она луна, что вышла из-за туч
И кинула на землю первый луч.

В ней тишь и свежесть голубых небес,
Исполненных сияющих чудес.

Голубка сизокрылая она,
Смела в своем полете и вольна.

Она идет, как будто бы летит,
И черная, как смоль, коса блестит.

Идет, с жемчужно-розовым лицом,
И рассыпает теплый свет кругом.

Мне кажется, что даже Каныкей
Из древних песен — не сравнится с ней,

Что рядом с ней Джаныл начнет темнеть,
Как пред рубином драгоценным медь.

И радостно, что на земле у нас
Красавица такая родилась!

При виде этой ясной красоты
Покой и разум потеряешь ты.

Она ж — не взглянет глаза уголком,
Пройдет, спокойная, своим путем.

Полюбит ли кого она? Как знать!
Как звезд причуды людям разгадать?..

Ей внятен голос дальних родников,
Открыты тайны горных трав, цветов,

И почка каждая, на деревце светясь,
С ней говорит, листком оборотясь.

Она мечты науке отдала,
Сама цветет, чтобы земля цвела.

И стала воплощением любви,
Душой весны, цветением любви.

И смелые джигиты перед ней
Скрывают пыл влюбленности своей.

Стоят, любуясь, на ее пути,
Но близко к ней не смеют подойти!

Она — мечта их и надежда их,
Звезда небес киргизских голубых.

ОСТРОСЛОВ

Все вы знаете, каков
Куйручук, наш острослов!
Больше, чем в лесу орехов,
У него веселых слов.

Мы уж с ним поохотали,
В море смеха мы ныряли,
За живот держась руками,
Еле-еле выплывали.

Поговорок, шуток — масса,
Век не истощить запаса,
Говорят, минута смеха
Лучше килограмма мяса.

Дом — как клуб у остролова,
Шутка каждому готова.
Если ценишь жизнелюбие,
Подивись искусству слова.

А хозяин — мастер смеха,
Словом пашет без ореха,

Смех не любят лишь зазнайки,
Он для чванства их — помеха.

Вся округа — за столом,
Громкий смех звучит кругом.
День и ночь его бы слушал,
Жаль, что мой далеко дом.

КАК МНЕ БЫТЬ?

Каждый день идет по полю хлопка
Чернобровый молодой джигит.
На него гляжу и издалёка,
А душа от радости горит.

Вот бы с ним, что лучше всех на свете,
Как-нибудь по полю погулять,
Темные от зноя руки эти
Хоть бы раз в руках мне подержать!

Вот бы повстречаться на дороге
Как-нибудь случайно, при луне,
О любви своей, своей тревоге
Намекнуть бы хоть джигиту мне!

Вот поймать бы сокола такого,
Так ему в глаза бы поглядеть,
Чтобы понял он меня без слова
И уже не смог бы улететь!

Я с тоской рассталась бы охотно,
Но с мечтою — как расстаться мне?..
Словно незадачливый охотник,
На любовь гляжу я в стороне.

АДАЛАТ

Наш курносый Адалат —
Не мальчишка, просто клад,
Примечал я много раз:
У него хозяйский глаз.

Он выходит по утрам
К белым хлопковым полям,
Наклонившись над кустом,
Молвит матери баском:
«Бело-бело волокно,
А поспело ли оно?»

К Керимбеку пристаёт:
«Сколько ты собрал вчера?»
Не всегда ответит тот,
А ответить уж пора, —

Это будущее с нас
Не спускает строгих глаз,
Ходит-бродит по пятам,
Задаёт вопросы нам.

Вырастает средь людей
Новый командир полей,

ОСМАНКУЛУ

Живи, акын мой, много лет живи,
Пришла пора для песни и любви!
И сколько в бороде волос седых,
Пусть столько песен прозвучит твоих!..

Ты — белый тополь. Средь твоих ветвей
Гнездо свивает песне соловей.
Ты — сеятель. Восходят зерна слов
Цветущими растеньями стихов.

Халат нарядный — на твоих плечах,
Любовь и мудрость у тебя в очах.
Ты доброй песней заслужил почет,
Она к тебе сердца людей влечет.

Живи сто лет!.. Устроим пир опять,
Седых соседей будем в гости звать,
И в дом открытый принесут цветы
Певцы Ташкента и Алма-Аты.

ДЕВУШКА-ПОЧТАЛЬОН

Все, кто молод сердцем и влюблен,
Рады, что приходит почтальон.
Выбегают из дому встречать,
Письма, телеграммы получать.

Почтальон с кудрями на плечах,
Сумкой, писем полною, в руках,
В каждую стучится дверь она,
Всем она знакома и нужна.

Тут влюбленный ждет ее письма,
Там влюбленная стоит с письмом,
Оттого так радостна сама,
Что приносит радость в каждый дом.

Я простил себе бы все грехи,
Если б добрые мои стихи
Заходили б так же в каждый дом,
Так же радостно встречались в нем.

Девушка простая, почтальон,
Я в твою приветливость влюблен.
Стань веселой музою моей,
Будем вместе радовать людей!

В ПЕСНИ ОНИ ПЕРЕШЛИ

Весенним лугом я был,
Было, где цвeсть цветам,
Зеленым дубом я был,
Было, где петь соловьям.

Осени ветер груб,
Пожелтели листы вокруг...
Где ты, зеленый дуб?
Где ты, весенний луг?..

На волосы иней упал,
Говорят, поседели они.
За Алайский ушли перевал
Юности дальней дни.

Подобен я стал скале,
Потрескавшейся в лучах...
Весна идет по земле,
Тюльпаны несет в руках.

Завидую я?.. О, нет,
Восхищенье в душе несу,
На чей-то глядя расцвет,
На чью-то глядя красу.

В песни они перешли,
И травы, и соловьи.
В песни мои перешли —
Черные кудри мои!..

ДЕДУШКА.

Дни приходят за днями вслед,
И стучат, и молчат сердца.
Был отец у меня, был дед —
Нет ни деда уж, ни отца.

Стал теперь стариком я сам,
Самым старшим в семье моей.
Проведу рукой по кудрям —
Снега кудри мои белей.

Но однажды в мой тихий дом
Весть, как солнечный луч, вошла,
Все поставила в нем вверх дном
И печали все унесла.

И вскипел я, как молоко,
О внучонке услышав весть...
Ношу эту нести легко,
Только долго ль придется несть?..

Так, я дедушка... Но причем
Тут и радость моя, и боль?
День грядущий — за малышом,
В нем сегодня весь смысл, вся соль.

В кресле дедовском не сижу,
Шубы дедовской не ношу —
С малышом на руках хожу,
Угождаю я малышу!

Скоро скажет он «деда» мне,
Станет за бороду таскать!..
Не сидеть теперь в тишине —
Перед внуком козлом скакать.

Не ходить к друзьям вечерком —
Малыша на руках качать,
Наслаждаться в плену таком,
И для виду только ворчать...

Так, я дедушкой стал, друзья,
И доволен судьбой моей.
Знать хотите, не вру ли я —
Станьте дедушками скорей!

ТАЙ-ТАЙ!*

Тай-тай-тай, дитя, тай-тай,
Чинартай, сама шагай!
Ну, иди же, светик мой,
Вот шажок, а вот другой...

Даже черный жук, и тот
Смотрит, как жучок ползет,
Даже соколиха-мать,
Учит соколят летать.

Тай-тай-тай, дитя, тай-тай,
По земле сама шагай!
Белой ручкою взмахни,
Смелой ножкою шагни.
Два и три шажка пройди,
Легче будет впереди!

Закачалась Чинартай,
Засмеялась Чинартай,
Побежала вдруг бегом
Частым, слабеньким шажком.

* «Тай-тай» — говорят ребенку, начинающему ходить.

В страхе затаила дух,
Ухватилась за сундук,
Покачала головой,
Словно путь измерив свой.
А потом в ладошки — хлоп,
Снова ножками — топ-топ!

Очень радуюсь я ей,
Милой внученьке своей —
Черноглаза да бела, —
В первый раз сама пошла!
Светик мой, свети, свети,
Птенчик мой, лети, лети!..

Куклу девочка взяла,
С куклой к люльке подошла,
Уложила куклу спать,
Стала с песенкой качать.
Тихо-тихо кукла спит,
Чинартай над ней стоит.
А игрушки на ковре
Девочку зовут к игре.

Там стеклянные глаза
Пучит серая коза,
Зайка плюшевый сидит
И ушами шевелит,
Меховой молчит медведь,
А нажмешь — начнет реветь.

К ним Чинар пошла опять,
Любо ей самой шагать,
Стол и стулья задевать,
Падать и опять вставать.

Гай-тай-тай, Чинар, иди,
Путь твой, внучка, впереди!
Может, отдохнешь чуть-чуть?
Долог-долог жизни путь...

ПОКАТИТ СЫН НА САНКАХ

По магазинам я Москвы хожу,
Игрушки выбираю для детей
И с радостью, и с завистью гляжу
На мир волшебных сказок и затей.

Я был ребенком. В бедности, в слезах,
Игрушек я не видывал таких...
Зато с медведем плюшевым в руках
Покатит сын на санках расписных.

НИ КРОШКИ ХЛЕБА...

Большую боль ты, сын, мне принесешь,
Коль больше истины полюбишь ложь,
В роду у нас правдивы люди были,
Хочу, чтоб сын мой был на них похож.

Высоко знамя честности держи,
Что ты отцов достоин — докажи,
И если даже день наступит трудный,
Ни крошки хлеба не бери у лжи.

ПЕСНЯ ДЕДА

Я качаю внученьку мою,
«Баю-баю» внученьке пою!..

Как легка ты, внученька моя,
Как бойка ты, внученька моя,
Ты цветка нежнее и воздушней,
Мотылек ты, внученька моя!

Ты гибка, как молодой выюнок,
Ты сладка, как сахара кусок,
Обними ручонками за шею,
Задремли, хотя бы на часок.

Как мила ты, внученька моя...
Как тепла ты, внученька моя...
Сколько радости седому деду
Принесла ты, внученька моя!

Не уйти — выюнком ты обвилась,
В бороду мою репьем впилась,
Как тепло и как уютно в доме
С той поры, как в нем ты родилась!

Мне с тобой — всегда веселым быть,
Не старея, долго-долго жить,

По-иному радоваться жизни
И родную внученьку любить.

Я качаю внученьку мою,
«Баю-баю!» — внученьке пою.

ШЕЛКОВОД БЕЖЕНЕЙ

Шестилетний Беженей
Мальчиков других умней:
Учится у взрослых он
Тутовых кормить червей.

Как цыпленок, мальчик мал,
Как орленок, он удал.
Ветку с пышною листвою
На тутовнике сломал.

Ветку он принес домой,
К бабушке своей седой.
Листья эти для червей
Будут вкусною едой.

Бархатные червячки
В них вопьются, как крючки,
В коконы смотают шелк,
Словно в желтые мотки,

Мы из коконов потом
Шелковую ткань соткем,
Много шелковых рубах
Нашим мальчикам нашьем.

ДОБРАЯ ПРИВЫЧКА

Дни идут, дни идут караваном цветным,
Не с пустыми руками приходят они:
Каждый день новой радостью неповторим
И вчерашнему — в чем-то уже не сродни.

Для меня, что из юрты вошел в новый дом,
Вместо свечки зажег электрический свет, —
Удивление светлое завтрашним днем
Стало доброй привычкой с мальчишеских лет.

Пыльце я электричество в доме включу,
А завтра — метро чудесам удивлюсь,
И на лайнере «Ту-сто четыре» лечу,
И в полет межпланетный душою стремлюсь.

О мой завтрашний день!.. Как ты много
несешь!

То, как жаворонок, окликаешь меня,
То в почи соловьем голосистым поешь,
Воввещая рождение нового дня.

ТОЛЬКО БЫ БЫТЬ МОЛОДЫМ!

С белобородыми старцами вместе
Много уж лет я сижу.
Что ж, коль уступят почетное место,
Людам спасибо скажу.

Кость мне дают от бараньего таза,
Голову — как старшине,
Благодарю я, но к разу от раза
Все беспокойнее мне.

Этот почет, что меня окружает —
Дань уваженья к годам.
Жаль, что он молодость не возвращает,
Силу глазам и рукам!

Чем тут сидеть мне, почетно и строго,
Пира главою седым,
Лучше мальчишкой стоять у порога,
Только бы быть молодым!..

ДЖАМАЛ

Как мечтал я тебя поносить на плечах,
Черноглазую, с яблочком красным в руках!..
Но все вышло иначе, родная моя, —
Не с тобою отец, а в суровых боях.

Этот Гитлер проклятый напал на страну!..
Взяв оружие, мужчины ушли на войну,
И румяное личико дочки своей
Вижу я лишь во сне, на минуту одну.

Не скучай обо мне, не скучай обо мне:
Долг мужчины сейчас — быть, как я,
на войне.

Я с победой вернусь, дорогая моя,
С фронта солнечным днем возвращусь
по весне.

Мы увидим зеленые травы в цветах,
Небо синее в чуть золотых облаках,
Как мечталось мне, с яблочком красным
в руке,
Я тебя поношу на солдатских плечах!

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

В черных глазах твоих слезы стояли,
Голос был ломким от слез...
Тронулся поезд — и в дальние дали,
В грозные дали увез.
«Не забывай, возвратись невредимым!» —
Вслед мне воскликнула ты.
Дымом разлуки, сражения дымом
Милой застлало черты.

Поезд помчался
На запад, на запад...
Глаз твоих счастье,
Кос твоих запах
Я вспоминаю любя,
Я не забуду тебя!

Где бы с тех пор я в боях ни сражался,
В самых далеких краях
Помню твой возглас: «Ко мне
возвращайся!»,
Слезы в любимых глазах.
Я возвращусь непременно, родная,
Скорбь победив и беду.
Перед сраженьем тебя вспоминая,
Первым в атаку иду.

Днем ты, как солнце,
Ночью — луна ты...
Счастье вернется —
Знают солдаты.
Даль сапогами дробя.
Я не забуду тебя!..

В город родимый вернется наш поезд
В солнечных мирных лучах,
Встретишь ты, радуясь и беспокоясь,
Поезд с цветами в руках.
Вижу, как машешь навстречу цветами,
Как подбегаешь, любя!..
Слышишь, как жесткими молвлю губами:
«Нет, не забыл я тебя!»

ПИСЬМО ЗУРЕ

Теперь, когда все мысли об одном:
Чтоб победить, чтобы добить врагов, —
Я склонился над твоим письмом
И огорчился от случайных слов.

Ты пишешь: «Может быть, меня забыл,
В другой нашел любимую свою?»
О, если б знала ты, как много сил,
Как много веры надобно в бою!

Нам тяжело в дыму чужих дорог,
Нам очень трудно в грохоте, в огне.
И от твоих несправедливых строк
На миг еще труднее стало мне.

Прошу тебя: в любовь солдата верь
И помогай мне любящей душой,
Неси со мною тяжесть всех потерь,
И радости побед неси со мной.

Учись у тех солдатских верных жен,
Что тут, на землях, занятых врагом,
Оружье брали, если муж сражен,
Врага встречали яростным огнем.

Сейчас пред нами голубой Дунай,
Шумит река, вдали встает рассвет.
А я мечтой лечу в родимый край,
К тебе, мой нежный тополевыи цвет.

Свою любовь ни с кем не разделю,
Улыбки я не подарю другой,
Одну тебя на свете я люблю,
С тобой грущу и радуюсь с тобой.

И если солнце я, то ты луна,
И если я река, то берег ты...
А впрочем, есть красавица одна,
Которой поверяю я мечты.

Она со мною вместе ночь и день,
С ней не страшна любая мне беда,
Не отставая от меня, как тень,
Она со мной в пути, в бою — всегда.

Когда ложусь, она со мной лежит,
А встану — встанет, шею обхватив,
Она своим присутствием живит
И только ею я в боях счастлив.

Она подобна солнцу и луне,
Ей любо в сумраке ночей сиять.
И без нее — все годы на войне
Не мог бы я ни жить, ни побеждать.

Ты спросишь: «Кто это? — смутившись
вдруг, —
Кто это с ним — и днем, и в тьме ночной?» —
Моя надежда это, милый друг,
Надежда на свидание с тобой!..

ИЗ ФРОНТОВОЙ ТЕТРАДИ

Передо мной — помятые листки
Походного солдатского блокнота.
От обожженной порохом строки
Пахнёт, быть может, гарью на кого-то.

Воскликнет критик: «О былом забудь,
Пиши о радости в колхозном стане!..»
Но он со мною, мой суровый путь,
Как старый шрам на огнестрельной ране.

Но старая шинель в шкафу висит,
Ее задену невзначай рукою,
И серое сукно еще хранит
Прогорклый, дымный запах боя.

Погибшие товарищи мои
В час зимней ночи, в ветреную лунность
Ко мне приходят вспомнить про бои,
Поговорить про пламенную юность.

Нет, никогда мне не забыть о них,
О тех, кто смело встретил натиск вражий,
Кто в час войны встал над землей, как штык,
На страже жизни, родины на страже.

О тех, кто научился в дни войны
Всю землю чувствовать ногой солдата!..
Все жизни их теперь мне вручены,
И до конца я пронесу их свято.

* *
*

Четыре года длился наш поход,
Четыре года... Я там был с друзьями,
Ступал ногой на лед, нырял под лед,
Выныривал, из холода — да в пламя.
Там Чолпонбай, киргизский наш герой,
И Дюйшенкул — не пожалели жизни.
Они сгорели утренней звездой,
Чтоб век сиять на небесах Отчизны.

И все ж не мы, а смерть боялась нас.
В разрывах — дни, в сраженьях ночи долги...
Мне кажется, стою я и сейчас
Над той полоскою земли у Волги!

Я помню, как с гранатою Кубат
Под танк рванулся и погиб при взрыве.
С тобой сгорел я, мой отважный брат,
С тобой живу на времени обрыве.
Ты помнишь, зимний ветер выл, как волк,
В кромешной тьме — ни искорки, ни следа?..
Но уж не помнишь, как знаменный шелк
Склонила тихо над тобой победа.

А летний зной — в тяжелых сапогах,
В промокнувшей от пота гимнастерке...
Не соль ли та осталась на висках?
Не от нее ль глаза остры и горьки?..

В Карпатах тропы размывала кровь,
А в снежных Альпах — камни леденели...
Мне кажется, я там шагаю вновь
В своей, пробитой пулями, шинели.

* *
*

Я помню Альп австрийских свет и тень,
Где шли солдаты за врагом по следу.
Там встретил я зеленый майский день,
Весенний день, принесший нам победу.

Как стала сразу тишина слышна,
Мягка трава и небеса просторны!..
Дремучих гор и неба тишина
Напомнила мне край родимый горный.

Запела песню дружбы молодежь,
Вино и молоко несли нам горцы...
А ты, мой край, домой солдата ждешь,
В цветах и в росах, блестящих на солнце!

В глазах еще мелькает блеск боев
И ноздри к дыму пороха привыкли,
А я уж слышу аромат цветов,
К которым руки жесткие приникли.

И ненависти зной, и смерти страх,
Усталости привычной онеменье —
Как будто тают в солнечных лучах,
В народном празднестве и в мирном пенье.

Не гром снарядов и не хрип смертей,
Не жгучий запах тлеющих пожарищ, —

Доносит ветер Родины моей,
Далекий аромат цветущих пастбищ.

Ущелья голые и синие хребты,
Глаз не смыкая, крови не смывая,
Мы перешли во имя красоты,
Во имя утра солнечного мая.

В сентябрьский день на берегу Дуная
Артполк остановился на привал...
Орудья наши взглядом провожая,
На перекрестке человек стоял.

«Америка орудья вам прислала?»
Спросил меня он, зябко сморщив нос.
На пушке красная звезда блистала,
Как будто отвечая на вопрос.
Гремели танки, горы сотрясая,
Тяжелые во мраке и в огне,
Пятиконечная звезда родная
Горела на грохочущей броне.
Летели самолеты над селеньем,
Из глаз скрываясь в серых небесах, —
А человек стоял, с недоуменьем
Рассматривая звезды на крылах.

«Америка... Но почему же — в звездах?»
Вновь он спросил. И я ответил тут:
«Все на советских сделано заводах,
Все это труженики фронту шлют».
«А разве есть еще у вас заводы?» —
Сказал он удивленно и замолк...

Пятиконечные, в атаку мчались звезды.
И прямо в бой пошел с привала полк.
За отступающим врагом по следу
Шла огнедышащая мощь страны,
Что в тяжких муках добыла победу,
Спасая мир от мрака и войны.

А он, бежавший от фашистов в страхе,
Отдавший землю им свою в полон,
Увидел бой и нашу мощь в атаке,
Но и глазам своим не верил он.

Придумал, что Америка прислала
Нам наше мужество... Глупец какой!..
Волна Дуная кровью отливала,
Бродил по небу ответ огневой.

А человек смятенными глазами
В недоумении глядел на нас,
Тот человек, которого сердцами
Прикрыли мы от смерти в трудный час.

* *
*

Многое не сохранилось в памяти,
Увиделось мной и исчезло прочь,
Как сон, приснившийся в снежной замяти
В длинную зимнюю ночь.

Длинные, ой длинные дороги военные,
Поход и привал, поход и привал..
Однажды в селенье около Вены я
Странный экзамен сдавал.

Длинноволосый, с глазами упорными,
В пенсне золотом господин
Захотел посадить меня в лужу истории,
Схватиться один на один,
Задавал свысока вопросы он веские,
Словно выдать мне мог диплом...
И дело не в нем — все жители сельские
Нас обступили кругом.

Про меч Тамерлана напомнил хмуро он,
Я же вспомнил Тимура щит
И старинный алмаз из короны тимуровой,
Что в английском сейфе лежит.
Он — про Батыя. А я чингизхановы
Орды припомнил ему
И те, что пытались повергнуть заново
Землю в кровавую тьму.
«Лучше бы вы Аристотеля помнили,
Было б ясней в голове!»
«Где вы учились? Где все это поняли?»
«В школе киргизской, в Москве».
Он удивился: «Откуда же школы там,
В глуши полудикой страны?»
Расхохотался я: «Значит, упали к нам
С солнца, а может, с луны!»

— «Не смейтесь... Читал я все книги немецкие,
В Геббельсе я разбирался.
Там говорится, что школы советские —
Четыре, не более, класса!»
«А вдумайтесь-ка, — я сказал собеседнику, —
Ужель генералы, что здесь воевали,
Что в прах сокрушили немецкую технику,
В сражениях ум и талант показали

И Гитлера с Геббельсом в землю втоптали, —
Ужель — по четыре лишь класса кончали?»

Тут слушатели рассмеялись раскатисто,
А господин в пенсне золотом
В ученой беседе повержен был начисто
Одним аргументом — советским огнем.
Что ищет теперь он в событий замяти,
Готовит капкан какой,
Длинноволосый, застрявший в памяти,
Как путаный сон дурной?..

* *
*

Еще я помню Будапешт зимой,.
Бой уличный, неутихавший бой.
Метался снег, летел навстречу нам
Тот снег с огнем смертельным пополам.

Снарядов гром и ветра дикий вой,
И пули свист над самой головой.
А перед нами — зданья высота,
Архитектуры строгой красота.

В нем творческих свершений торжество.
Хоть бомба не разрушила б его!
Но на войне — как зданье сохранять,
Когда засела в нем фашистов рать,
Когда оно огнем встречает нас?
Подобен смерти промедленья час...

И командир приказ отдал бойцам,
И зданье с громом рушится к ногам,

И падает, как горный камнепад.
В дыму штыки фашистские блестят.

Вдруг девушка нам преградила путь,
Она вцепилась командиру в грудь,
Кричит: «Вы варвары! Я тут жила,
А вы мой дом разрушили дотла!»

Мы говорим: «А делать что? — Война,
Грозна и разрушительна она.
Фашизм проклятый к нам пришел с огнем,
Напал на Родину, разрушил дом».
«Курятников вам жаль своих, — кричит, —
А тут, смотрите, мрамор и гранит!..»

А в этот миг фашистский автомат
По девушке ударил наугад,
Но, оттолкнув, ее от смерти спас
Один из «варваров», один из нас.
Война прошла... Прекрасны и прочны,
Дворцы повсюду вновь возведены.
А в сердце человеческого гранит,
Он ожил ли, что был войной разбит?..

Что в сердце девушки теперь смятенной той,
Опутанном тогда тоской и клеветой?
От плена и от смерти спасена,
Кто враг, кто друг ей — поняла ль она?

* *
*

Селенье приютилось под горою.
Тут, как у нас, и горы, и леса,

И темно-голубые небеса
Отражены спокойною рекою.

Нас песнями встречали и цветами,
Солдатам девушки плели венки,
Хлеб-соль своими добрыми руками
Вручали нам седые старики.

И всюду нам вопросы задавались
Одни и те ж — о детях, о жене.
Они традиционными казались
И нравились заботливостью мне.
Я думал, что любовь к жене и детям —
Болгар национальная черта.
Но вдруг узнал, что за вопросом этим
В потемках притаилась клевета.
Сидел однажды я в болгарской хате,
Читал из дому письма в тишине.
Девчушка беленькая в пестром платье
Вдруг заглянула под руку ко мне:
«А есть ли у тебя жена и дети?
А эти письма длинные — от них?»

«Они дороже мне всего на свете,
И в битву я пошел за счастье их.
Моя дочурка на тебя похожа,
Да только косы у нее темней,
Глазами черными со мною схожа,
А красотою — с матерью своей».

«Ты покажи мне девочкино фото,
Пожалуйста, прошу тебя, найди!»
На фото — доченька вполоборота,
Прижалась ласково к моей груди.

Оно прошло по всей войне со мною,
Немного истрепалось по краям,
Но согревало сердце теплотою,
И возвращало свет моим глазам.

Болгарочка взглянула, засмеялась
И, карточку схватив, умчалась с ней...
А на дворе толпа людей собралась,
И все дивились доченьке моей.
«Похожа... Это дочка офицера,
Глаза такие же, и нос — такой...
Красивая... И, скажем для примера,
Красивая счастливой красотой».
И женщины шумели в возбужденье,
И старичок: «Похожа!» — подтверждал.
Я ничего не понял. В удивленье
Свою хозяйку в комнату позвал.

Она вошла, сверкнула карим взглядом,
Мне протянула карточку мою:
«Так хорошо вы с дочкой сняты рядом,
И, значит, любите свою семью?»
«Но что же в карточке моей такое,
Что ею люди все удивлены?»
«А то, что говорили нам другое:
Деревни были слухами полны,
Что, мол, большевики семей не знают,
Что женщины безмужними гуляют,
Мужчины маленьких детей бросают,
Детей не кормят и не одевают».
«И люди сказкам верили таким?»
«И да, и нет... Да как не верить им,
Когда без умолку кричали всюду,
И уши чушью набивали люду!»

Взглянул я с возмущеньем, с сожаленьем
На эту незнакомую мне мать:
«Солдат, что шли в сраженья за сраженьем,
Могли бы беспризорными считать?..
Где взяли мы бы армию такую,
Когда б детей бросали на пути?»
«Все это рассказы, я так толкую,
Чтобы дороги наши развести!
Не удалось... Да что ж вы? Не сердитесь,
Мы поняли теперь, где тьма, где свет.
Здоровы будьте, дочкою гордитесь
И от меня пошлите ей привет!»
Село болгарское. Крутые горы.
Зеленые дремучие леса.
Цветным выюнком обвитые заборы
И темно-голубые небеса.
И улетают недоверья тени,
И сердце к сердцу тянется само.
Болгарка бережливо на колени
Кладет киргизской девочки письмо.

Так, доченька, за синими морями
Ты стала вдруг помощницей моей
И заглянула ясными глазами
В сердца тебе неведомых людей.

* *
*

Строители мира, поэты, солдаты,
Отдавшие честно долг воинский свой,
По крови, по внешности — мы азиаты,
С глазами раскосыми, с пылкой душой.
Щекочет нам ноздри степей наших запах,
Пропахшая шкурой бараньей земля,

А небо над нами — высокое, в звездах,
В сияющих всюду нам звездах Кремля.
Мы выросли в доброй Отчизне советской,
Где каждый нам равен и каждый нам брат...

Впервые на дальней земле европейской
Узнал я, что бранью звучит — азиат.
Вблизи Будапешта, в венгерском селенье,
Где битвы еще не рассеялся дым,
Лежали немецкие трупы. В смятенье
Склонялся старик черным вороном к ним.
Меня он увидел и кинулся с бранью,
И черной рукой, как крылом, замахал...
И, долг отдавая чужому страданию,
Я брани его терпеливо внимал:
«Вы, хищники, юношей этих убили,
Не видевших жизни, не знавших чудес!»
На трупах фашистских приметными были
Скращенные кости и знаки: «Эс-эс».

«Они шли на это, — сказал я спокойно, —
Войну не начав, они жить бы могли б...
Ответьте, кто начал кровавую бойню?
Кто первый, от чьей первой пули погиб?»

Старик пробурчал: «Гибли кто?... Азиаты,
В глуши одичавшие, словно зверье.
На голых телах они носят халаты,
Еда их — свежати́на, кровь — их питье.
В чем разница между стадами баранов
И меж азиатами? Разницы нет!
Так можно ль взамен убивать великанов,
Несущих народам культуру и свет?..»
«Но русских всегда европейцами звали,

Зачем же фашизм шел на русских войной?»
«И русские все азиатами стали,
Оплот азиатов зовется Москвой!
Убей меня! Смерть я приму терпеливо,
Кинжал наточи и отрежь мой язык!...»
Но я от него отвернулся брезгливо,
Умрет он и сам, сумасшедший старик.

Но смысл есть у этого дикого бреда,
Который туманит иные умы...
Великое счастье, что наша победа
Взорвала оружие рыцарей тьмы!
Великое счастье быть азиатом,
Бесстрашным в борьбе за свободу свою,
И в центре Европы, пожаром объят,
Давать им, потомственным аристократам,
Уроки морали в быту и в бою!

Нас много — от волн голубого Нарына
До Желтой реки, полноводной Янцзы.
Кто сдержит наш шаг, если воля единая
И в сердце раскаты весенней грозы?..
Нас много — от Волги до знойного Ганга,
От Пянджа до сумрачных вод Иртыша...
Москва, ты, действительно, наша отвага,
Москва, ты, действительно, наша душа.
Мы — с русскими вместе. Великой любовью,
Великою дружбой союз наш скреплен.
Мы вместе — судьбою, душою и кровью,
А кровь наша — красного цвета знамен!

* *
*

И снова о том же, но чуть по-иному...
Австрийские альпы, июньский рассвет.

Старинные клены склоняются к дому,
И слышен их шелест, и зелен их цвет.
Пишу я письмо в край родимый киргизский,
Что кончена битва, что — скоро домой.
Хозяин квартиры, профессор австрийский,
Меж делом беседует дружно со мной
О том, что и в маленькой этой квартире
Жить стало лучше без грома боев,
Что мир наступил, наконец, во всем мире
И только Япония льет еще кровь.
Но против Японии — американцы,
И Англия с Францией против идут.
Где там с белокожими желтым сражаться,
С любимцами бога?.. Японцы падут!

Мне стало забавно: ведь я желтокожий,
А он — белолицый. И тут я спросил:
«Ваш бог, уважаемый, любит кого же,
Коль немца я в трудном бою победил?»
Старик застеснялся: «Прошу вас, простите.
Да, вы — желтокожий, а немцы белы,
Да, я побежденный, а вы победитель,
Вы очень культурны и, в общем, милы.
Но немцев же вы не один победили,
Весь мир, все народы пошли против них.
Простите, вы немцев оружием били,
Что создано белыми, в их мастерских».
Ну, что ему скажешь?.. В руках, пожелтелых
От старости, — полосы новых газет,
А с этой теорией желтых и белых
Отстал он примерно на тысячу лет.

Над кленами всходит янтарное солнце,
Веселое, мирное, как и у нас.
И ветер с востока к нам в окна несется,
И светел, и радостен утренний час.

* * *

Многое не сохранилось в памяти,
Привиделось мне и исчезло прочь,
Как сон, приснившийся в снежной замяти
В длинную зимнюю ночь...

Те тропы-дороги давно исхожены,
Их ветер в сердце моем затих,
Поэмы и песни про них сложены,
Складней и длинней моих.

Но и теперь «Известья последние»
Вестей грозových полны.
А ведь я не забыл еще оскорбления
И злодейства прошлой войны.
И не только врагов помню злобные рожи я, —
Помню тех, кто попавши в мрак,
Заплутался среди снежного бездорожия
И не понял — кто друг, кто враг.

Это им говорю я от имени Азии,
Что встает во весь рост в борьбе:
Мы темнокожие, мы узкоглазые,
Но хотим мы счастья себе,
Никому своего не уступим достоинства,
Будем жить с людьми наравне!..
Слышу гул африканского черного воинства,
Вижу Конго, Лаос — в огне.

В черных странах блестит серебро и золото,
Бел там хлопок и сахар бел.
Сердце черного так же светло и молодо,
Как свобода, что он воспел,
И к цветам, что взрастили на диком пастбище
Желтокожие руки мои,
Из пустынных просторов приходят товарищи,
К ним слетаются соловьи.

Обращусь я к расистскому академику:
Кто бумагу первый создал?
Кто придумал вам цифры и арифметику,
Счет времен человечеству дал?
Кто соткал шелка ткани блестящие,
Что купили вы для жены?
Кто построил каналы, веками шумящие,
И громаду Китайской стены?..
Мы создали такие культуры сокровища,
Как стихи «Шах-Наме» и «Манас»,
Когда вас одевал тьмы бесславной покров
еще,—

А зовете вы дикими нас!..
Пробудила в нас силу Россия великая,
Защитила нас в битве она..
Огнеглазая Азия и темноликая
Пробуждается всюду от сна.

Мы — строители мира и мира солдаты — мы,
Наше сердце зовем мы Москвой.
И великое счастье — быть азиатами
С богатырскою, новой судьбой!

ОДИН ДЕНЬ В БАРСКООНЕ*

Белеют гребни снежные вдали...
Цветы на горных склонах расцвели,
Я собирал их с девушками вместе.
Целебна красота моей земли!

Вдыхая запах луговых цветов,
Я от избытка сил запеть готов!..
А к облакам
Карабкаются ели
По спинам зеленеющих хребтов.

Луга весенним солнцем залиты,
Как мальчуган, готов резвиться ты.
Недугов и забот как не бывало!
Бежишь вприпрыжку,
Падаешь в кусты.

От всех печалей сердце тут лечи!
В ручьях дробятся зыбкие лучи.
Как девушки в трепещущих косынках,
Стоят вокруг цветущие арчи.

* Ущелье и селенье на южном побережье озера Иссык-Куль.

Застенчиво глядят из-под бровей
Задумчиво-изогнутых ветвей...
Красавица спешит с ведром к потоку, —
Он дышит холодком навстречу ей.

И кажется:
От грохота реки
Полопаются скалы на куски.
Чабан,
Овец пасущий в отдаленье,
На девушку глядит из-под руки.

Поет чабан...
Притихла вдруг волна —
Заслушалась джигита и она,
И девушке с глазами оленихи,
Видать, по сердцу песня чабана.

Ей эти звуки сердце веселят.
Она смеется,
Опуская взгляд.
Уже давно она джигита любит,
И он узнать об этом был бы рад.

Мне грустно:
Счастлив этот молодец!
Как неподдельна радость двух сердец!
До самой смерти буду сокрушаться:
Ах, почему не я пасу овец!

Но нет!
К чему подобная печаль!
Завидую двум любящим?
Едва ль!

Пусть молодость ушла,
Но песен юных
Мне для народа моего не жаль!

Лишь был бы он стихам поэта рад!
Не нужно в жизни мне других наград.
Красавицы?
А вот я с ними рядом —
Фотографом на Барскооне снят!

ТЕБЕ, ТЕГЕНЕ!*

Милый край мой отчий!
Всюду ты со мной.
Где б я ни был — ходим
Мы тропой одной.

О тебе услышу —
Сердце вдруг замрет...
Согревал меня ты
В дни былых невзгод.

Вспоминаю детство —
Вижу твой простор:
Пестрые долины,
Гребни ближних гор.

Вновь бегу за стадом,
Как в былые дни,
Камешки, впиваясь,
Колют мне ступни.

По твоим тюльпанам
Снова я грущу,

* Местность на юге Киргизии, где родился автор.

Словно след любимой,
Потеряв, ищу.

С грустью вспоминаю
Горные струи, —
Грусть моя прозрачна,
Как ручьи твои.

Край мой! Ты сегодня
Стал богат и нов, —
Вон каких сумел ты
Вырастить сынов!

Тут стада пасутся —
Взглядом не обнять,
Тегене люблю я,
Как старуху-мать.

Тут любовь рождалась
В сердце у юнца.
Тоо-Джар* люблю я,
Словно сын отца.

Милый край мой отчий!
Вместе шли мы в бой,
И делили горе
Пополам с тобой.

Все с тобой делили
Мы в своей судьбе,
Неделима в сердце
Лишь любовь к тебе!

* Гора в той же местности.

НАРЫН

Нарын!
Я здесь не раз бывал.
Прохладный воздух я впивал
Тут грудью всей,
И вдохновенье
Рождал во мне бурлящий вал.

Склонясь, я глядел с моста,
Вода реки была чиста.
Грустил о чем-то несвершенном...
Куда звала меня мечта?

Да!
Я мечтал.
И вот оно—
О чем я помышлял давно:
Пора,
Пора тут ГЭС построить! —
И нынче это решено.

Кто угадал мои мечты?
Валы кипящие круты...
Зов партии услышан всеми!
Народ,
За дело взялся ты!

— Остановись! —
Реке сказал
Ты —
Покоритель рек и скал.
— Замолкни! —
И Нарын, притихнув,
Волной покорной заплескал:

«Я тут веками бушевал,
Деревья с корнем вырывал,
Сдвигал обрушенные глыбы,
Волной до неба доставал!

Кто мог бы обуздать меня,
Кто мог бы оседлать меня?
Попробуй, ухвати за гриву
Степного дикого коня!

То ввысь рвалась
Моя волна,
То вниз неслась,
Крутясь у дна.
Рычал я, словно лев,
Который
Вскочил на спину скакуна.

Я по ущельям пролетал,
В теснинах сумрачных плутал.
Весь в пене,
Как в поту,
Трудился, —
Дорогу пробивал
Меж скал.

Поверь мне,
Человек,
Поверь:
Я не хочу, как дикий зверь,
В бетонной клетке бесноваться...
Смогу ли вырваться теперь?

Ты убери свой аммонит,
Не рви прибрежный мой гранит,
Молю тебя!
Но твой бульдозер
В ответ стальным ножом звенит!

Да разве он меня поймет!..»
И отвечал ему народ:
Довольно бушевать без пользы!
Возьмем тебя мы в оборот.

Вот скоро подвернем штаны,
Да станем поперек волны:
Для наших храбрецов-батыров
Твои глубины не страшны!

Пускай скакун свиреп и дик —
Взнуздаем,
Оседлаем вмиг.
В стальную клетку льва загоним, —
Пускай рычит —
Не страшен рык!

Драконью силу усмирим.
Ты станешь озером,
Нарын!
Как битюга, впряжем в работу —
Закрутишь лопасти турбин.

Дремал бы целые века!
А ты —
Могучая река.
Начнешь трудиться —
Вспыхнут лампы, —
Мы отдохнем у огонька.

Трудись,
Помощник верный наш, —
И целый город ты создашь.
Ты с нами фабрики построишь,
Дома —
За этажом этаж.

Нарушит скоро твой покой
Гудок протяжный заводской.
От мшистых скал отпрыгнет эхо,
Пойдет кататься над рекой.

А здесь вот,
У твоей воды,
Мы скоро вырастим сады, —
И ты,
Нарын,
Счастливым станешь,
Бурля у каменной гряды.

Хоть путь тебе мы преградим,
Но к счастью путь освободим.
Зажжешь ты
Собственное солнце
Над каждым садом молодым!

О камни биться будешь тут,
А мачты вдаль пойдут,
Пойдут.
Кашгар и Фергану осветишь,
Кипя у этих мшистых груд.

Во все края
По проводам
Ты потечешь по городам,
Во Фрунзе,
В Алгозу примчишься...
Готов ли ты к таким трудам?

Как видно,
Понял эту речь
Нарын,
Готовый вспять потечь.
Для этой ноши богатырской
Не жалко богатырских плеч.

И вмиг повеселел старик:
Ведь он река,
А не арык!
Готов всюю он потрудиться.
К чему ненужный львиный рык?..

В огнях весь Шамалдуу-сай...*
В лицо нам брызги не бросай,
Нарын —
Гнездовье солнц грядущих,
Которые осветят край!

* Поселок строителей Уч-Курганской ГЭС.

Я частым гостем стану тут.
Здесь будет море,
А не пруд!
Нарын!
Пушкой теплом и светом
Созвездья солнц мой край зальют!

АБЛАТУНСКОЙ СКАЛЕ

Ты —

Как стопа из пестрых одеял.
Хоть нет тебе и дела до небес,
Но гребень твой на месте не стоял —
Он до высоких облаков долез.

Взгляну на шпиль голубоватый твой —
И шапка упадет, —
Не удержать!
Высок ты —
С непокрытой головой —
Дивлюсь величию твоему опять.

Внизу —

Лесов пушистый малахит.
В зеленых чащах прячется зверье.
Расправив крылья,
Песня вдаль летит —
И даже птице не догнать ее.

Вот здесь прошел когда-то Коджоджаш*,
А вслед за ним прокрался Сур-эчки**.

* Герой народного эпоса.

** Злой козел из этого же эпоса.

Козел проклятый
Влез на этот кряж, —
Вдали мерцают желтые зрачки.

Героя погубила ты,
Скала!
Но что ни год, люблю тебя сильнее,
Ты Сур-эчки пристанище дала,
Но ты —
Частица родины моей.

Легенды, сказки...
Я готов и впредь
Внимать им,
Глядя сказочнику в рот...
Могу ли я
Стихами обеднеть,
Коль слушаю тебя,
Родной народ!

ЧИЙЫРЧИКУ*

Всходил и летом я на перевал,
Шагал по тропке,
Тронутой ледком.
А ты меня от зноя укрывал,
А ты в лицо дышал мне холодком.

Я и зимой
Всходил на перевал.
Клубился снег по белой целине,
А ты меня
В дороге согревал,
Ты не давал в пути замерзнуть мне.

В пяти шагах не видно ничего,
Дул ветер,
Вихри снежные гоня...
Дыханием народа моего,
Видать, в пути ты согревал меня.

Иду,
А следом камешки скользят,
Спускаюсь —
Легче путнику идти.

* Перевал на Памирском тракте.

Приду в долину —
И гляжу назад,
Как будто что-то потерял в пути.

Гляжу —
И вижу гребень высоты.
Он тонет в дымке нежно-голубой...
О, если б был и я велик,
Как ты, —
Обняв, увел бы следом за собой.

Еще не раз приду к тебе опять,
И, словно посылая свой привет,
Ручьи мне будут что-то бормотать,
И травы будут
Кланяться мне вслед.

КАРА-КУЛЬДЖА

Цепки объятия волны —
По дну катает валуны.
С разбегу скалы в плен берет,
О берег бьет
Ладонью дюжей.
Спешит косматый вал вперед,
Встает,
Как рыжий горб верблюжий.
Пускай людского языка
Не знает буйная река, —
Спускаясь по крутым откосам, —
Я обращаюсь к ней с вопросом:
— Скажи мне,
Страница моя,
Куда спешишь,
Несешься рьяно,
То извиваясь,
Как змея,
То прыгая резвей барана?
К чему твой громогласный клич?
Врага торопишься настичь?
Догнать решила великана?..

Пускай и нет у ней врагов —
Не зря спешит меж берегов!
Бежит,
Разбрызгивая пену:
Мол, напою колхозный сад,
В цветы и травы луг одену,
Добавлю меду в виноград.
Томится жаждою пшеница —
И ей нужна
Моя водица!
В долине засыхает рис —
Скорей,
Скорей —
С предгорий —
Вниз!
И вот она бежит,
Спеша,
Туда,
Где розы дышат робко.
В ее воде живет душа
Урюка,
Яблока
И хлопка!
Ее вода —
Как кровь земли:
Иссякнет —
Стебли жизнь покинет,
Сгорят они в сухой пыли, —
И, как мертвец,
Земля остынет.

Торопится в Узген река —
Соскучилась по рощам здешним!
И не пропустит стебелька,

Увядшего под солнцем вешним,
Журчит,
Как будто говорит:
А вдруг он без меня сгорит!

Бежит она среди степей
И говорит пшенице:
Пей!
Сулит,
Жару опережая,
Пуды и тонны урожая.
Стремится работяга к людям,
Поет,
Ликуя:
С хлебом будем!
Журчит в полях ее волна...

Трудись,
Колхозник,
Как она!
Трудитесь оба честь по чести,
Растите урожай вместе!
Трудитесь —
Об руку рука —
И ты,
Колхозник,
И река!

ТЮРДЮК*

Спросят:
А знаком тебе ль
Край,
Что краше всех земель?
Назову Тюрдюк я сразу —
Рощ цветущих колыбель.

Зеленеют склоны гор.
Глянешь вниз:
Какой простор!
Есть где спрятаться от зноя:
Что ни елка — то шатер!

Солнце —
Будто на заказ!..
Чуть архар почует вас,
В чащу леса унесется,
Мигом скроется из глаз.

Зацветут весной марты**,
Поглядишь —
И ахнешь ты:

* Название ореховой рощи.

** Вид кустарника.

То не снег ли выпал снова? —
До того белы кусты!

Только вызреют плоды —
Птицы явятся в сады.
Сколько радостных симфоний
Прогремит здесь у воды!

А цветущая джида,
Как невеста, молода.
Горько-сладким ароматом
Упивался бы всегда!

Зыбь ореховых ветвей...
Каждый листик тут —
Ей-ей! —
Мягко, нежен,
Как ладошка
У возлюбленной твоей.

Поспевают груши здесь —
Как их вволю не поесть!
Неуклюжий медвежонок
Норовит на грушу влезть.

А увидит сверху вдруг
У тебя в руках урюк, —
Облизнувшись,
Спрыгнет наземь:
Поделись со мною, друг!

Всех чудес и не постичь:
На лугах,
В болотцах — дичь, —

Приходи сюда,
Охотник,
Да друзей с собой покличь!..

Вот и собраны плоды —
Груши,
Ягоды джиды...
Ну, а год еще не прожит!
В рыжих рощах —
Шум воды.

Бродишь всюду без помех...
Перезрел в глуши орех,
Тронешь —
На две половинки
Разлетится, как на грех!..

Ты прекрасен,
Мой Тюрдюк!
Глянешь —
Песню сложишь вдруг.
Ты не веришь?
Приезжай-ка:
Сам поэтом станешь,
Друг!

ДЖУЗУМДЖАН

Тихонько булькает вода,
Пасутся в зарослях стада.
Такой простор в долине этой —
Хоть воздвигай тут города.

Влезал я,
Как лихой студент,
На яблоню в один момент.
Тюльпаны собирал на склонах...
А сколько тут собрал легенд!

Красива Джузумджан была.
Но как судьба порою зла!..
Старик-богач в нее влюбился.
Пришел —
Не развязать узла!

Какой в слезах девичьих толк!
Согласна —
Разоденет в шелк.
Посмеешь спорить, —
Как овечку,
Возьмет насильно,
Словно волк.

Тоскуя,
Не спала ночей:
Куда,
Куда укрыться ей?
Как будто пойманный козленок,
Рвалась на волю из сетей.

И жизнь в неволе не мила!
Возлюбленного позвала, —
Решили оба скрыться ночью —
Укроет их ночная мгла.

Но не дал им уйти старик.
В ущелье этом их настиг.
Вот так козла
На козлодранье
Хватает всадник,
Выждав миг.

Не ждал он больше неудач.
А тут от ярости хоть плачь!
Джигит в орешник превратился —
И ахнуть не успел богач!

Застыл он,
Выпучив глаза,
Как будто грянула гроза:
На месте девушки стояла
Лишь виноградная лоза.

Подножье стройного ствола
Она собою обвила.
Судьба!
Влюбленным, наконец-то,
Соединиться ты дала!

Быть может,
Сказка и обман.
Быть может,
Смысл ей странный дан.
Но с той поры ущелье это
Назвали люди
Джузумджан.

Душа легенды —
Словно тень:
В какой наряд ни приодень —
Все манит,
Манит,
Ускользя, —
Лови потом хоть целый день!

Но сказки думать нам велят.
Пусть смысла нет на первый взгляд,
Но из ружья ведь на охоте
Бесцельно в воздух не палят!

Окинешь взглядом Джузумджан —
Журчат ручьи среди полян,
Переплелись ветвями тесно
Черешня,
Груша,
И каштан.

Шумит береза.
А над ней,
Как памятник минувших дней,
Вознесся дуб —
И от гранита
Не оторвать его корней.

Деревья кронами сплелись.
Обнявшись,
Устремились ввысь.
Они похожи на влюбленных —
И разлучить их не берись!

А вот стоит орешник.
Он
Живой лозою оплетен.
Они,
Сливаясь воедино,
Взбежали на пологий склон.

Их тайный шепот улови:
Сплелись они,
Полны любви,
Как парень с девушкой...
Попробуй
Их друг от друга оторви!

На листья пышные взгляни:
Как кудри девичьи они!..
Тут яблоня плоды роняет —
Краснеют яблоки в тени.

Иду
И все ласкает взгляд.
Потоки душу веселят.
Тут с милым
Джузумджан гуляет —
Вдали мелькнул ее наряд.

На миг дыханье затаим:
Поет им соловей двоим!
О Джузумджан,
И сам отныне
Я стану соловьем твоим!

ЗЕЛЕНЫЙ ГОРОД МОЙ

Я горы мои превознес,
Я пел о долинах зеленых,
Я сравнивал ветви берез
С руками красавиц влюбленных.

И вот я однажды увидел:
Тут всюду —
То сад, то аллея.
Мой Фрунзе!
Тебя я обидел,
Для города песню жалея.

Окно я свое распахнул —
И в тихую комнату сразу
Вкатился торжественный гул,
Заполнил ее доотказу.

Слепил небосвод синевой,
Глаза незабудки раскрыли.
Шумели деревья листвою,
Как будто они говорили:

«Ты слышишь ли шум заводской,
Ты слышишь ли гул самолета?»

Ты слышишь ли гомон людской?
Идет,
Не стихает работа.

Возьмись-ка,
Поэт,
За перо,
Прославь-ка свой город рабочий.
Творит для людей он добро,
До трудного дела охочий...»

Спасибо за добрый совет!
Готовлюсь к работе грядущей.
И ты будешь мною воспет,
Мой город,
Мой Фрунзе цветущий.

Свой город,
Поэт,
Славословь:
Он прелестью дорог особой,
Как первая наша любовь,
Забывать ее лучше не пробуй!

ГОРОД ВОЗРОЖДЕННОЙ ЮНОСТИ

Бурлива в верховьях река Ак-Бура...
По улицам ошским с толпою иду,
Весеннее солнце сверкает с утра.
На улицах — зелень,
Как будто в саду.

Вздымаются ввысь тополя,
Серебрясь,
Как будто решили до солнца достать.
Как пьяные клонятся,
С ветром борясь,
И рвутся к весеннему солнцу опять.

Машины —
Как стадо ретивых коней,
Спешащих к реке
На дневной водопой.
Рабочие,
Кепку надев поплотней,
Спешат на работу привычной тропой.

А их уж гудки заводские зовут,
Ревет вдалеке
Голосистая медь.

О, сколько тут шелку за смену наткут —
Хватило бы сразу весь город одеть!

Я помню:
Мы строили тот комбинат,
Немало я сам уложил кирпичей...
Увижу красивую девушку —

Рад:
По моде без нас не одеться бы ей!

Нарядные платьица,
Радуги лент...
И в прошлое я улетаю на миг,
По городу с книгой брожу я,
Студент, —
Ах, сколько еще непрочитанных книг!

А там,
На газоне,
Пестреют цветы:
Ну, как не сорвать тут хотя бы один! —
На ближней скамеечке ждешь меня ты...
И вот я,
Доживший уже до седин.

Как будто бы важное что потерял,
Стою молчаливо
У школьных ворот...
Мой город!
Я с детства тебе доверял...
Да разве ушедшее детство придет!

Но снова вдали запевают гудки:
Нет! Нет!

Не прощайся —
И все обретешь!
Дни юности —
Разве они коротки?
Ведь город немеркнувшей юности —
Ош!

НА БОЗБУ*

Уходят скалы в высоту.
Сползают тучи по хребту,
Туда не долетит и птица —
Иссякнут силы на лету.

Пшеницы не посеешь тут —
На камне злаки не взойдут.
На грустных оголенных склонах
Лишь сосны редкие растут.

Добрался я до этих гор
(Немало лет прошло с тех пор!),
Присел я на огромной глыбе:
Какая ширь!
Какой простор!

Над головой ледник навис.
Мерцал обрывистый карниз.
Мой голос эхо повторяло
И, прыгая,
Катилось вниз.

* Урочище в Ошской области, на юге Киргизии.

А там,
Внизу,
В пустой глуши —
Лишь озеро да камыши.
Гусей взлетевших гоготанье —
И ни одной живой души.

Ну, кто осмелился бы тут
Посеять просо иль кунжут?
Ячмень, пшеница —
Как ни бейся! —
На глыбах скал не прорастут.

Никто не пробовал сохой
Вспороть в долине
Дерн сухой.
И в голову не приходило
Возделать этот край глухой.

...Прошло немало долгих лет.
Привет тебе,
Бозбу,
Привет!
Вернувшись,
Я увидел чудо,
Какого в целом мире нет.

Горячим ветром опален,
На солнце золотится склон,
Комбайн над озером прозрачным
Ворочается,
Словно слон.

Везде,
Куда ни кинешь взгляд,
Колосья сонно шелестят.
Склоняются к земле все ниже,
Как будто спать они хотят.

Пшеница спелая грузна,
Зерна тяжелого полна.
Вот-вот под тяжестью такую
Прогнуться бы земля должна.

Кто был напорист,
Смел и крут?
Кто вырастил пшеницу тут?
Журчат ручьи,
Струясь по склону...
Они ответа не дадут!

Желтеют травы,
Как парча,
Шумит листочками арча.
В камнях кекилики* порхают,
Невнятно что-то бормоча.

Мы пробудились ото сна —
И расщедрилась целина.
По сорок центнеров с гектара
Дает колхозникам она.

Рокочет трактор близ села.
Змеясь,
Дорога ввысь ушла.

* Каменные куропатки.

А раньше легонькая бричка
Подняться в горы не могла.

Свои стада здесь пас киргиз.
Быки не раз срывались вниз.
И голод,
Поселяясь в юртах,
Кочевников по-волчьи грыз.

В беде кочевник одинок.
Кому пожаловаться мог?
Лишь солнцу — днем,
Луне — ночами.
Скули от горя, как щенок!

Подумай только,
Темиркул,
Как край родной вперед шагнул!
А кто помог подняться людям?
Батыр* колхозный
Суванкул!

В цехах,
Где синий свет блистал,
Он сваривал огнем металл.
Но Партия в колхоз послала —
Тридцатитысячником стал.

Испытанный он азамат** —
В бою не отступил назад.
Он отнял горы у уларов***,
Он превратил долину в сад!

* Герой.

** Молодец.

*** Горный индюк

Он всем здесь —
Как родной отец.
Аил бы обеднел вконец...
Всего себя он отдал людям —
И вот трудов его венец!

Шумит пшеница на Бозбу,
Ячмень рождается на Бозбу.
Ты слышишь:
Песнь о Суванкуле
Летит, как птица, на Бозбу!

ПОДАРИ МНЕ ПЕСНЮ

Однажды в Оше я в саду ночевал.
У входа в жилище бродила весна.
В ветвях надо мной
Соловей ликовал, —
Он в плен меня взял.
Он лишил меня сна.

Как лампа большая,
Сияла луна,
Но ярче сверкали
Земные огни.
У края арыка,
Где травка пышна,
С садовником рядом лежал я в тени.

В лицо,
Засыпая,
Дышали цветы,
И щелкал в ветвях соловей,
Как хмельной,
Как будто ему открывались мечты,
Которые к людям приходят весной.

Звенел, как ручей,
Как прозрачный родник.
Он звал,
Заклинал,
Убеждая,
Маня...
И вот он мне в самое сердце проник —
И песнею за душу взял он меня.

А рядом тихонько журчала волна —
Арык,
Запевающий песню свою.
Натянут он был,
Как большая струна,
Чтоб ночью в тиши подпевать соловью.

Глядел садовод молчаливо во тьму.
Привстал он,
На локоть слегка опершись.
— Ты только послушай! —
Сказал я ему.
А песни над нами лились и лились...

Спасибо,
Извечный наш друг соловей!
Недаром,
Пожалуй,
Ты любишь цветы,
Их краски
Оттенками песни своей
Искусно и радостно делаешь ты.

Ты пьешь ароматов живые струи —
И голос твой крепнет,

И петь ты готов...
А, может быть,
Чистые трели твои
И стали названьями наших цветов?

Кто первым весной покидает жилье,
Тот первым и песню получит в саду.
Отстанешь —
И в долг не получишь ее, —
Ведь весны бывают
Однажды в году.

Поэты!
Бумага, перо — на столе,
Но только сравнимся ли мы с соловьем?
А так ли,
Как он,
Проходя по земле,
Мы знаем цветы,
О которых поем?

Ош — город садов...
Соловьиный цветок!
Ты — озеро песен,
Что морю под стать.
Ты дай из него мне отпить хоть глоток —
Я буду почаще тебя навещать!

ДЕНЬ НА АЛАЙСКОМ ПОЛЕ

Обрывы здесь
Пугают крутизной.
Бурлит поток,
О камни бьет волной.

Сквозь горы
Прорываясь напролом,
Он словно повествует
О былом.

Когда-то здесь
Судьею был Ады:
Придет в селенье —
Жди, бедняк, беды!

Терпи удары плети,
Как овца,
Да кровь покорно
Утирай с лица...

Просторно это поле,
Но оно
Расщелинами все
Испещрено.

Казалось, целый край
Избит сплеча,
Исполосован
Плетью богача.

Да что там плети,
Байские камчи!..
Явились в этот край
И басмачи!

Как волки,
Нападали на людей,
Спеша угнать
Овец и лошадей.

А если нету у тебя
Скота,
А если юрта у тебя
Пуста, —

Пощады нет
Подобной голытьбе —
Отрубят саблей
Голову тебе!

В глухих ущельях
Прятался народ.
Поток бурливый —
Спрятался и тот.

Забился в щель
Между отвесных скал —
Дороги к людям
Даже не искал!..

А нынче я
Скажу тебе, вода:
Ушли навеки
Горе и нужда!

Не укрывайся ты
В горах от нас —
Спеши к народу,
Радуй людям глаз!

Поток в ущелье
Плакал да стенал, —
Ему на радость
Выроем канал!

Кипящий вал
На стенку в гневе лез, —
А мы ему
Дадим в подарок ГЭС!

Придешь ты скоро
В гости к нам, вода,
Как южный день,
Светла и молода.

Веселым светом
Озаришь кыштак.
Ты веришь людям?
Будет, будет так!...

...Поток клубился,
Полный торжества,
Как будто понял он
Мои слова.

Спешила к людям
Пенная волна,
Звенела,
Как поющая струна.

Она
Аккомпанировала мне:
Я песню пел
О ней,
Речной волне.

По полю,
Как ее земная тень,
Бродил я рядом с нею
Целый день.

КРАШЕ НЕ НАЙТИ

(В обаянии от озера Сары-Челек)

Стада у прибрежной твоей полосы.
На травах —
Дрожащие капли росы...
О, если бы я обошел хоть полмира,
Нигде не нашел бы подобной красы!

Киики* бродят у твоих берегов —
Травинки свисают с ветвистых рогов, —
А может,
Стихи о тебе они пишут
Рогами —
На синих холстинах лугов?

Вершины у самой воды поднялись,
Застыли вокруг,
Устремленные ввысь.
Мне все тут знакомо —
Когда-то мальчишкой
Я прыгал тут с камня на камень,
Как рысь.

* Киик — дикий козел.

Мой родич,
Купая коня,
Утонул --
Под этим обрывом навеки уснул.
Баран тут сорвался с крутого уступа —
И каждый барашек за ним сиганул.

Бродил здесь мой прадед,
Оборван и бос, —
Немало он в жизни невзгод перенес!..
А ты оставалось спокойным и чистым...
Я знаю:
Ты стало прозрачным от слез!

Сверкает широкая светлая гладь...
А может быть,
Выйдя в горах погулять,
Красавица зеркало здесь обронила,
Взглянула вокруг —
И забыла поднять?

О, как эти краски яркие и чисты!
Зеленое,
Синее,
Алое ты!
Мерцаешь в долине большим самоцветом,
Оправой которого стали хребты.

А ели на кручах шумят над тобой,
Глядят на тебя с высоты голубой.
Влюбились в тебя —
И, сбегая в долину,
Стопились на склонах ревнивой гурьбой.

Весь мир отразился
В твоей глубине,
Весь мир раздробился
Во встречной волне:
Кустарник и скалы,
Березы и солнце,
И я —
На ребристом большом валуне.

Глаза подниму —
Надо мной крутизна,
Глаза опущу —
В синих глубях она.
Я крикну —
И крик мой,
Как мячик,
Отпрыгнет
От скал,
Там, где гнездовье твое,
Тишина...

— Эй, дедушка! Дедушка! —
Крикну опять —
И эхо пойдет по долине плутать.
— Эй, дедушка! Дедушка! —
Озеро крикнет,
Кругами пойдет изумрудная гладь.

Блестящие рыбки скользят в глубине.
Эх, сеть бы теперь подходящую мне!..
Вон ходят они подо мной косяками, —
Тут шляпа —
И та пригодится вполне!

А берег,
Покрытый травой,
Кудряв...
А ветер,
Все запахи леса вобрав,
Поит меня тонким своим ароматом,
Дыханием спелых нетронутых трав.

Он гладит мне волосы мягкой рукой,
Он теплый и добрый,
Он щедрый такой...
И мне поваляться, как в детстве, охота
Под этой березой,
Где тишь и покой... *

О, как ты близка мне,
Моя сторона!
В наследство мне предками вся ты дана.
Я знаю историю этого края, —
Здесь плотничал дед мой с утра дотемна.

Он лапти носил,
Был в дерюгу одет.
Тюндуки, ууки* вытесывал дед.
Был беден, но счастлив:
За труд получал он
Лишь воздух озерный
Да солнечный свет.

В груди его пели,
Звенели ручьи, —

* Деревянные части остова юрты.

Забрал он себе их,
Они ведь — ничьи!
Он слушал протяжные грустные песни,
Призывно звучащие в летней ночи.

Ласкались к нему луговые цветы,
Луч солнца его целовал с высоты...
О Сары-Челек!
Я стою над тобою
В раздумье,
Которое глубже, чем ты.

А все-таки —
Был ли счастливым мой дед?
Он жил,
Голодая,
Разут и раздет...
На платье годится полотнище неба?
Насытит голодного солнечный свет?..

Брожу я тут нынче, как будто в раю.
Счастливые песни сегодня пою.
Народ мой!
О, если бы после кончины
Ты мог схоронить меня в этом краю!

И мертвый вдыхал бы я запах цветов
И слушал бы шорох весенних листьев,
Ловил бы ликующих птиц щебетанье,
Глядел бы на снежные гребни хребтов.

О Сары-Челек!
Я стихи окрылю,
Коль жажду кумысом твоим утолю...

Вот к чаще твоей
Облака припадают —
И спят на отрогах они во хмелю.

Природа к тебе благосклонна была:
С цветов,
Словно мед,
Красоту собрала,
Весь мир обошла,
Красоту собирая, —
И всю без остатка тебе отдала.

Тебя до рассвета целует луна.
А только затеплится утро —
Она
Ревнует тебя к восходящему солнцу, —
И днем ей желанна твоя глубина.

Стада у прибрежной твоей полосы,
На травах —
Пунцовые капли росы...
И если бы я обошел всю планету —
Нигде не нашел бы подобной красы!

ПРЕКРАСНЫЙ УГОЛОК

Ты видел здешние места?
Чолпон-Ата*,
Чолпон-Ата!
Красавица!
Тут каждый скажет:
Бессмертна эта красота!

Красавица!
Я весь — в мольбе:
Живи и ты в моей судьбе!..
Когда б не нравилась ты людям,
Скажи,
Кто пел бы о тебе?

Как ласков теплый твой песок!
Он — словно радости кусок!
Я нежусь,
Будто на перине...
А волны бьют наискосок.

Я нежусь, нежусь —
Не встаю...

* Курорт на северном берегу Иссык-Куля.

Ну, есть ли кто в моем краю,
Кем не была бы ты любима?
Нет!
Видят все красу твою!

А озеро твое?
Оно
На радость людям рождено.
Оно прекраснее Венеры, —
Влюбиться тут не мудрено!

Увидел —
Сразу полюбил!
Родится в сердце новый пыл —
Тут отдохнуть и ты захочешь:
Уйти назад не хватит сил!

Захочешь отдохнуть и ты
Среди подобной красоты!
Чолпон-Ата похорошела,
Сверкают снежные хребты.

Похорошела!
Словно ждет —
Вот-вот возлюбленный придет...
Лугов нагорных ароматы
Стекают с дремлющих высот.

И разве б я счастливым был,
Когда б тебя не полюбил!
Не пел бы жаворонком серым,
Как белый лебедь, не трубил!..

Чолпон-Ата,
Чолпон-Ата!..
Влюблен я в здешние места.
Меня на песни вдохновляет
Твоя живая красота!

Мавлянову Темиркулу

* * *

По берегу Сары-Челека,
Среди пасущихся гуртов,
Шли два счастливых человека,
Вдыхая запахи цветов.

Шагали —
Темиркулы оба:
Поэт
И рядом — башкарма*.
— Ну пой, Темиш!
Удачна проба!..
Тут песнь рождается сама!

Шел каждый —
Со своею песней,
Чья лучше?
Башкарма:
— Твоя!
Поэт:
— Ну, нет!
Твоя чудесней!
Ты знаешь здешние края,

* Председатель колхоза.

А тут Пегас резвее мчится —
Взгляни,
Какой кругом простор!
Не песня ли
Сама струится
Цветочным ароматом с гор?

Отгонишь стадо честь по чести,
На склоне ляжешь —
И дремли.
А песня-то —
С травой вместе —
И прорастет из-под земли!

Уснешь ты с нею в изголовье...
А где-то рядом —
Соловьи!
Тут песен целое гнездовье, —
Вот каковы края твои!

И ты —
Хозяин рощ зеленых.
И ты —
Хозяин песен всех.
Тюльпаны расцвели на склонах,
И в каждом —
Песенка с орех!..

Вы так богаты здесь,
Дружище!
Но с просьбами я не спешу.
Я не прошу у вас жилища,
Я даже шубы не прошу.

Подобный дар неинтересен,
О дорогой мой башкарма!
Возьму у вас
Немного песен, —
Ты мне отдашь их задарма?

За деньги их у вас не купишь...
Я все отдам,
Что спросишь ты!..
А ты мне соловьев уступишь,
Отдашь весенние цветы!

МОЯ РЕСПУБЛИКА

Цвети,
Республика моя!
Всего себя тебе отдам!
Любимые мои края,
Я жизнью всей обязан вам!
Могу ли умолчать об этом?
В краю родном я стал поэтом.

Люблю тебя,
Отчизна-мать.
Ну, с чем тебя сравнить могу?..
Хочу твоим ручьям внимать,
Пасти отары на лугу.
Спешу к пшеничному прибою...
Лишь быть бы мне всегда с тобою!

Цвети,
Республика моя!
Просторен наш советский дом
И велика его семья.
А ты —
Одна из комнат в нем...

Ты —
Снежная моя вершина...
Люблю тебя любовью сына!

Я не отдам тебя врагу —
Мою отчизну,
Отчий дом.
Как сын, тебя я берегу, —
Я все создал своим трудом!..
Дымка над крышей —
И того я
Не уступлю врагу без боя!

Немало видел я земель,
Во многих странах побывал.
Мне вспоминается метель,
Альпийский горный перевал.
Внизу долина —
Краше рая...
Казалось,
Нет чудесней края!

Швейцария!
Красива ты!
Но край мой —
Вот он,
Посмотри:
И в час полночной темноты
Наш Каухар* —
Как две зари...
Среди обоих полушарий
Мой край прекрасней всех Швейцарий.

* Сказочный волшебный камень.

А Иссык-Куль,
Отец озер?
Как чист он в ранние часы!
Лежит в долине между гор
Огромной каплею росы.
А если в полдень взгляд мы кинем —
Он кажется лилово-синим.

Ты в Арстанбанае не бывал?
И ты не видел наш Аркыт?
Взойди на горный перевал:
Какой простор глазам открыт!
Вверху —
Белым-белы вершины,
Внизу —
Зеленые долины.

На склонах вишни поднялись:
Щедра вокруг земная плоть!
Орешник устремился ввысь,
Готовый тучи проколоть.
Корнями искры высекая,
Вросли в гранит дубы Аксая.

Какой бодрящий воздух тут!
Дышу —
Никак не надышусь...
Какие груши здесь растут! —
Не съев,
Уйти не соглашусь.
А Чуйскую мою долину
Лишь с грустью в сердце я покину!

Базар-Курган и Араван, —
Ну, с чем я их сравнить могу?
Тут хлопка целый океан,
А я стою на берегу.
Он светлый-светлый,
Чистый-чистый,
Как солнце летнее лучистый.

О мой любимый Киргизстан,
Ты —
Родины моей цветок,
А хлопковый Базар-Курган —
Твой самый белый лепесток.
Ты —
Уголок большого сада...
Другого края мне не надо!

Твои созревшие плоды
Алеют у скалистых круч.
По гребню каменной гряды
Я поднимаюсь выше туч.
И вся вселенная,
Как чудо,
Мне открывается оттуда.

Как на ладони, виден
Ты,
Мой край родной,
Мой Киргизстан,
Твои долины и хребты
Вдали я вижу сквозь туман.
Вверху —
От твоего дыханья —
Волнистых тучек колыханье.

Стекает вниз с твоих хребтов
Пьянящих запахов поток.
Ты ароматами цветов
Отсюда обдаешь Восток.
Народ,
В краю таком живущий,
Ты —
Созидатель всемогущий!

Иду с тобой
Тропой одной
И я —
Твоя
И плоть и кровь.
Люблю тебя,
Народ родной,
А мне нужна
Твоя любовь.
Ты —
Дерево большого сада!
И жизни без тебя не надо!

Я —
Только веточка твоя.
Иду по рощам и садам.
Цветите,
Милые края!
Всего себя я вам отдам.
Могу взлететь в любые дали —
Такие крылья вы мне дали!

ХОЧЕТСЯ РАСЦЕЛОВАТЬ

Хлопок пушистый
И мягок, и тонок.
Вновь уродился он
В нашем краю.

Прыгает сердце в груди,
Как теленок, —
Радость сдержать я
Не в силах свою.

В сердце моем,
Молода и вольна,
Выросла
Выше чинары она.

Пой, мое сердце!
Крылатым ты стало...
Хлопок навален,
Как снежный сугроб.

Встал перед ним,
Распрямившись устало,
И улыбнулся
Киргиз-хлопкороб.

Если бы мог я,
О мой Киргизстан,
Расцеловал бы
Я весь Араван!

Дымкой подернута
Даль голубая,
Чист и прозрачен
Дневной небосклон.

Вижу вдали
Абаке Топчубая, —
Не разгибаясь,
Работает он.

Бодрая радость
Рабочего дня
Солнцем восходит
В душе у меня.

Хлопок Чанкента —
Как белое чудо.
Здравствуй, мой друг,
Хлопкороб Нишанбай!

Слышишь? Я вижу
Тебя и отсюда, —
Руку, дружище,
Скорее мне дай!

Хлопок встает —
За горою гора.
Радость в душе
Горячее костра,

Словно трудился
С тобою я рядом,
Низко склонялся
Над каждым рядком

И по плантации
С радостным взглядом
В жаркую пору
Ходил босиком.

Счастлив я видеть
Победу твою,
Как победитель,
И сам я пою!

В поле трудилась
Ты даже ночами.
Шла впереди,
Весела, молода.

Сколько побед
У тебя за плечами!
Низкий поклон мой
Тебе, Шозода!

Имя твое
Повторяют везде.
Песню свою
Отдаю Шозоде!

Знаете вы
Абаке* Джоробая?

* Дядя; здесь — почтительно о старшем.

Скромней герой,
Но беседу начнем —

Хлопок его
Бургандинского края
Сам вам сегодня
Расскажет о нем.

Дело большое
Ему по плечу!
Я абаке
Поклониться хочу!

Горной прохладой ручьев
Освеженный,
Ты утопаешь в цветах,
Кызыл-Джар.

Ярок твой хлопок
В долине зеленой:
Он ослепляет,
Как белый пожар.

Прежде здесь только
Пустыня была,
Выжжена яростным солнцем
Дотла.

Видел и девушек я
Кызыл-Джара.
Очи красавиц
Черны, горячи,

В них — трепетанье
Глубинного жара,
Знойного здешнего солнца
Лучи.

Ты хоть одну
Преподнес бы мне в дар, —
Расцеловал бы тебя,
Кызыл-Джар!

Расцеловал бы
Весь Ош я, ликуя, —
Много тут добрых
Друзей у меня!

Хлопок!.. Повсюду,
Куда ни пойду я,
Встретится мне
По дороге родня.

Хлопок!.. Прозрачные
Прочные нити,
С жизнью, с друзьями
Меня едините!

ДРУЖЕСКИЙ ПРИВЕТ

Греми на целый мир.
Узбекистан! —
Жемчужина среди восточных стран!
Твоя земля прекрасна, как Венера, —
Уверенна осанка,
Гибок стан.

Она пленяет нынче целый мир,
Влюблен в нее и твой народ-батыр,
О, как пушист ты,
Хлопок Самарканда!
Поля одеты в белый твой мундир.

Узбекистан!
Ты — добрый наш сосед,
Плечо к плечу идем мы много лет.
С Киргизией моей по-братски дружишь
И делишь с нею радость всех побед.

Ты даже богатыршу Сыр-Дарью
В пустыню повернул в своем краю,
Заставил течь в барханы Мирзачуля
Ее животворящую струю.

Где прежде шелестел песок один,
Там новый край расцвел среди равнин, —
И радовался я
Его рождению,
Как будто у меня
Родился сын!

Журчи,
Струя веселая,
Журчи!
Светло от хлопка белого в ночи,
Вобрал он столько
Солнечного света,
Что стали волокнами лучи.

Немало в мире есть земель и стран,
Где ходишь,
Восхищеньем обуян,
Но разве можно им с тобой сравняться.
Край хлопка —
Богатырь Узбекистан?

Весь мир узнает про твои дела.
От хлопка ширь твоя светлым-светла,
Земля твоя,
Как белый голубь мира,
Расправила широкие крыла.

Греми на целый мир,
Узбекистан, —
Жемчужина среди восточных стран!
Твоя земля прекрасна, как Венера...
Приветствует тебя
Мой Киргизстан!

Пусть хлопок жадно пьет полдневный
зной,

Пусть ослепляет
Мирной белизной.
Пуускай сгустившиеся хлопья света
Покоятся в коробочке резной!

ХЛОПКОВОД

Ты — хлопок —
Знаешь ты землю
Земля своей родной.
Ты с хлопком говоришь
В полдневный зной.

Встань ты —
За радом радом
В коробочке резной
Комочек беленький звяжи
Спешим,
Спешим рвать!

А ты спокойно спишь
Ты хлопок поживай
Ты жаждай сочной
Матерью родной.

Ты землю и небо обмыл
А выжидай скорняк —
Ты выдерживай его спешим!
Прорывай в поле рвать!

ХЛОПКОВОДУ

Ты — мастер.
Знаешь ты язык
Земли своей родной.
Ты с хлопком говорить привык
В полдневный летний зной.

Встают кусты —
За рядом ряд.
В коробочке-горсти
Комочек беленький зажат:
Спешим,
Спешим расти!

А ты спокойно спать не мог:
Ты хлопок поливал,
Ты каждый ссохшийся комок
Мотыгой разбивал.

Ты землю холил и пушил,
А выглянул сорняк —
Ты выдернуть его спешил:
Прокрался в поле враг!

Ты бережно,
Как рафинад,
Возил,
Возил в поля
Сверкающий суперфосфат:
Тучней,
Моя земля!

Заботу добрую твою,
В палящий летний зной,
Как животворную струю,
Впивал хлопчатник твой.

Вот первый кустик у тропы
Раскрылся, наконец,
Как будто вдруг
Из скорлупы
Проклюнулся птенец.

Он был пушист и белокрыл,
А вскоре хлопок весь
Коробочки свои раскрыл...
Не снег ли выпал здесь?

Двенадцать веток на кусте,
На каждой —
Белый шар.
Дрожат росинки на листе...
Земля!
Богат твой дар!

И если песня,
Выйдя в путь,
Хоть в малом да солжет,
Поэта вправе упрекнуть
Ты,
Мастер-хлопковод!

Вот первый куплет у романа
Раскрылся, наконец
Как будто впрямь
На скорую
Проклятый птенчик

Он был кулест и бляхаст
А вскоре хлопков несл
Коробочки свои раскрыв
Не снес за выпячь зверь

Гвендальвет на кулест
На каждой —
Белый шар.
Дрожжит росинки на листе...
Земля!
Вотят твой шар!

ТОЛГОНАЙ

На травах капельки висят,
Синеет небо сквозь туман,
Листвой багряной брызжет сад,
Как будто золотой фонтан.

Взойдя на мшистую грядку,
Орешник крылья распростер.
Внизу
Долина Бургунду —
Как полыхающий костер

Луга лучами залиты.
Тепло и солнечно с утра.
Но уж не думаешь ли ты,
Что осень —
Юности пора?

Пуховую накинув шаль,
Вся сединой убелена,
Уйдет в синеющую даль
По первому снежку она.

Пусть осень старится
Пуškai!..
Есть девушка одна у нас,

Юна,
Красива Толгонай, —
Пройдет —
Не оторвешь и глаз.

Пройдет она —
Весна вокруг!
Вон хлопок —
Легок, белокрыл —
Не от ее ль дыханья вдруг
Свои коробочки раскрыл?
Начнет работать —

Догоняй!
В работе силы не жалеи!
Ты — украшеньё,
Толгонай,
Родной земли,
Родных полей!..

Цветешь, как яблонька в саду,
Растущем у подножья гор.
Не потому ли Бургунду
И осенью чарует взор?

Красавец сущий Бургунду, —
Всех в мире краше Толгонай!
Богат цветущий Бургунду, —
Богатство наше — Толгонай!

Хлопчатник с ней всегда в ладу.
Что шепчет ей —
Поди узнай!..
Вы приезжайте в Бургунду,
Вы повидайте Толгонай!

ЧУДЕСНИЦЕ ШОЗОДЕ

Дороги в поле пролегли...
Весь день клубится пыль вдали,
Она плывет над Беш-Джагачем, —
Кто мчится там
В густой пыли?

Вот конь чуть-чуть замедлил шаг.
Киргизский промелькнул колпак...
Сидит джигит в телеге тряской,
Устало фыркает рысак.

— Ты —
Словно розовый гранат.
Всегда тебя увидеть рад, —
Поет наездник в клубах пыли, —
— Не нужно мне других наград!

Ты сердцу лишь одна мила...
А сколько хлопка собрала!
Со снежными хребтами рядом
Встает гора,
Белым-бела...

Вдруг голос:
— Bravo, Мухтарджан!
Талант тебе природой дан!..
Запел —
И все кругом притихло, —
Заслушался весь Киргизстан!

Перой и в шутке —
Сотня жал...
Коня возница придержал.
С усмешкой табельщику бросил,
Как будто выхватил кинжал:

— Молчит
Джигит —
Кричат дела!
К чему джигиту похвала?
Я перевез полтонны хлопка!
Мой конь летит быстрее орла!

— Ну, что ты,
Что ты, Мухтарджан!
И налетел же —
Как буран!..
Не стоило б тебе хвалиться,
Хоть свалил бы весь наш стан!

— Да разве сам я налетел!
Ты —
Подразнить меня хотел!
«Обрушился,
Как горный ветер!..»
И в шутке нужно знать предел!..

— Взгляни:
Да разве это воз?
Сто пять кило всего привез!..
Иль Шозода твоя устала,
Уснула в поле?
Вот вопрос!

—Что, Шозода?!
Сходи да глянь:
Неутомима, словно лань!...
Взгляни-ка лучше в накладную
Да записи свои достань!..

Тетрадку табельщик раскрыл, —
Куда девался прежний пыл!..
Усы расправил,
Улыбнулся:
— Ну, вижу, вижу:
Прав ты был!

— Но сколько хлопка
Ты собрал?
— Ни килограмма, аксакал!
Едва за нею поспеваю,
Перевозить — и то устал!

Не веришь?
Поезжай туда —
И убедишься без труда!
Пока доедешь —
Бричку хлопка
Собрать успеет Шозода!

Тот сунул ведомость в карман:
— Ну и счастливчик Мухтарджан!
Любовь, как видно, их связала
Надежней, чем любой аркан!

Она красива и горда...
Что ж,
Пара будет хоть куда!..
Джигит пустился в путь обратный:
Ждет Мухтарджана Шозода.

Он пел:
— Глаза твои нежны,
Как спелый барбарис черны.
А губы...
Губы слаще меда!
А ты сама светлей луны!..

Признаться,
Удивлен я был.
И любопытства я не скрыл, —
Я к табельщику обратился:
— Как видно, крепко полюбил?

— Ах, ты о нем?
Он — азамат!
Поет —
Заслушаешься, брат!
Он Шозоде, видать, по сердцу...
И я за них обоих рад!

Она отказывала всем,
Отвадив женихов совсем.

Была подобна кобылице,
Не заарканенной никем.

Лишь Мухтарджан не отступил, —
Он песни пел да все грустил...
Теперь вознагражден за это —
Один он девушке и мил.

— Он что, колхозник?
— Педагог!
Нам хлопок собирать помог.
Пришел сюда с учениками...
Теперь уборку кончим в срок!

Он рядом с нею —
Много дней...
И дело спорится дружной:
Она быстрее собирает,
Он отвезет —
И мчится к ней!

Вон видишь:
Гонит скакуна!
Ведь снова ждет его она!..
...Заря зарделась над хребтами,
Еще туманна и бледна.

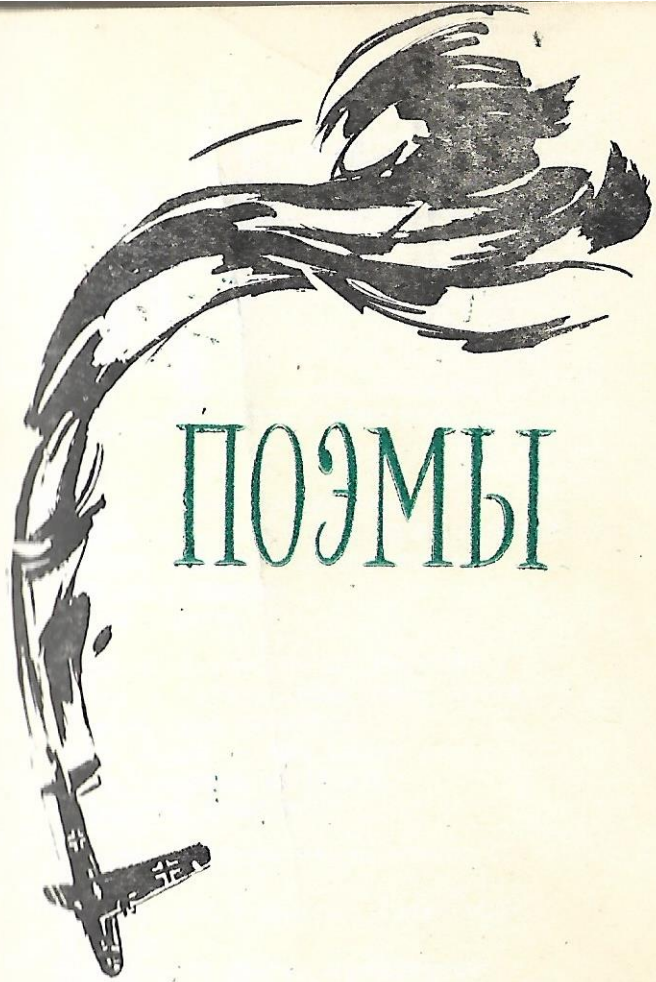
А Шозода —
В полях давно,
И в мыслях у нее одно:
Собрать бы хлопок поскорее!
А сердце радости полно...

О Шозода!
О Шозода!..
Пленен и я..
Но вот беда:
Ты даже глаз не поднимаешь —
Глядишь на хлопок, как всегда.

Что ж!
Думай,
Думай лишь о нем —
Ночной порой,
Осенним днем!..
Куст хлопка —
Словно белый факел,
Горящий трепетным огнем.

Ну, что же!
Если ты цветок,
То соловьем я стать бы мог!
Ведь в сердце
Лучшую из песен
Давно я для тебя берег!

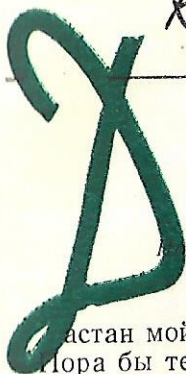
В горячих отблесках зари
Раскрылось сердце —
Посмотри! —
Живой коробочкою хлопка..
Скорей нагнись —
И подбери!

ПОЭМЫ

Кубат

Поэма о гвардии политруке
Кубате Джуматаеве

Арстан мой!

Пора бы тебе прозвенеть...

В бою не дрожал я — не струшу и впредь,

Но вот оробел, начиная поэму:

Нелегкое дело —

Гердя воспеть.

Перо по бумаге летит, шелестя.

Пишу о Кубате лишь годы спустя.

Прости, мой читатель!

Ведь песня — как сабля:

Коль вырвешь из ножен —

Взовьется, блестя.

Прости за такую медлительность,

Сад!

Любил тебя в мирные годы Кубат.

Я слышу,

Как шепчет листва с укоризной:

И долго же ты собираешься, брат!

Прости, Арстанбап!

Ты — Кубату родня,

Киргизские горы!
Простите меня!
Не раз вспоминал вас Кубат перед боем.
Вдали вы сверкали,
Зоя и маня.

Родной Сусамыр мой!
Ты тоже прости!
Привольно тут было Кубату брести...
Простите,
Прозрачные горные реки!
Он пил тут...
Но вас не удержишь в горсти.

Стою над обрывом.
Прости, Эркинсай!
В лицо мне упреков своих не бросай!
Ты тоже взываешь,
Оплакав Кубата:
Хоть в песне скорее
Герой, воскресай!

Родные долины!
Себя я клянусь...
Вот выйду в дорогу —
И долг свой верну.
Отчизна героя!
Простила б меня ты —
И сам он простил бы мне эту вину.

Быть может, звездам он родня?
Ведь создан он из их огня!..

В семье киргизской родился
Малыш с лицом светлее дня.

Горяч и ясен чистый взгляд.
Характер твердый,
Как булат.
За что ни взялся бы,
Трудясь, —
Везде дела идут на лад.

Хватает силы и ума.
Душа его честна, пряма.
Был сердцем добр и щедр Кубат,
Как наша Родина сама.

В беде друзей не забывал.
В бою собой их прикрывал.
Он был —
Как сабельный удар,
Врага разящий наповал.

Дерется он —
Врага сразит,
Не пулей —
Так штыком пронзит.
Увидел бы его Ильич,
Сказал бы:
Молодец, джигит!

Он был в Киргизии рожден,
Как лев, с врагом сражался он.
Вамахнет он саблюю своей, —
Один удар —
И враг сражен!

Воспеть его —
Не хватит слов.
Не львом ли был он среди львов?
Недаром я тебе,
Кубат,
Поэму посвятить готов!

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Он поздно вернулся с бюро обкомла,
Звезда за окном темноту проколола.
Но глаз не сомкнул он до самой зари:
Все думал —
И дрема его не борола.

Вдруг — радио.
Голос знакомый тревожен.
Он — словно клинок,
Извлеченный из ножен.
В постели привстал потрясенный Кубат —
Теперь и подавно был сон невозможен.

В душе у Кубата —
И гнев, и тревога.
Вчера лишь стояла война у порога,
А нынче и в мирный наш дом ворвалась —
Враги для нее не искали предлога.

Нарушили слово они,
Как бандиты.
Знать, Гитлером прежние клятвы забыты...
Он — словно щенок,
Налетевший на льва:
Удар —
И все кости его перебиты!

И в прошлом войной на Россию ходили,
Но где же захватчики?
Сгнули, сгнили!
Как падаль, истлели в российских степях,
От них не осталось и горсточки пыли.

Стремительно юноша спрыгнул с постели:
Бездействовал он,
А минуты летели!
Скорее!..
Умылся, оделся Кубат.
Кусок проглотить он успел еле-еле.

И — за дверь!
Шаги широки и упруги.
И вот он стоит у окошка подруги.
Стоит —
И не смеет ее разбудить...
Нет девушки лучше и в целом округе!

Почуяла — здесь он.
Джигиту награда —
Окно распахнулось.
Красавица рада.
Луну затмевает собой Айшаке.
В окне показалась —
И солнца не надо!

— Айша! Айшаке! —
Лишь и вымолвить смог он.
На месте смущенно топтался у окон.
Ох, долгою будет разлука с Айшой!
Что ж будет,
Коль за ночь и то изнемог он?

Тревожно взглянула Айша на Кубата:
Он бледен и мрачен,
Прическа измята.
Зачем он пришел?
Не стряслась ли беда?
Бежит она к парню,
Тревогой объята.

Припала к широкой груди,
Обнимая.
— Скажи, что случилось?
Спросила, прямая.
— Война! —
Лишь и смог ей ответить Кубат,
Глаза на подругу свою поднимая.

— Тайком,
Как бандиты,
Напали враги-то!
Но будет фашистам дорога закрыта!..
Я тоже, Айша, уйду на войну:
Нет дела важнее теперь у джигита!

Нет силы такой,
Чтобы нас поборола!
Сегодня же сдам я дела обкомола...
Довольно, Айша, секретарствовать мне!
Есть дело теперь поважней протокола!

Давай попрощаемся сразу,
Родная.
Уеду,
Тебя лишь одну вспоминая...
С победой вернусь —

Будем вместе всегда...
Фашистам воздам за разлуку сполна я!

К Кубату прильнула Айша повиликой.
Он фото вручил ей с печалью великой,
Казалось, он сердце свое отдавал
Любимой подруге —
Айше лунноликой.

Вернется ли скоро назад он?

Едва ли!..

Вчера лишь они,

Веселясь,

Танцевали.

Грустила,

На карточку глядя,

Айша...

Так розы грустят:

Лишь мороз —

И увяли...

Но вот и настала минута разлуки,

— Прощай! —

Протянул ей возлюбленный руки.

— Прощай! —

Отвечала Айша,

Зарыдав.

А сердце сжималось в тревоге и муке.

— Прощай! —

В этом слове и боль и кручина,

Надежда на то,

Что вернется мужчина,

Что милую он не забудет в бою,

Вернувшись,
Не бросит ее беспричинно.

— Прощай! —
И наказ в этом слове девичий:
Воюй,
Как джигиту велит наш обычай,
И счастье девичье врагу не отдай,
Хоть смерть угрожает и в сотне обличий.

Близка —
Так смотри ей в лицо ты открыто.
Пусть падает враг скакуну под копыта.
Не вздумай назад повернуть рысак!
Лишь трусость —
Вот смерть для любого джигита!

В ЭСКАДРОНЕ

Стояли под Одессой восемь дней,
А где-то в отдаленье шли бои.
Кавалеристы холили коней, —
Так ястреб крылья бережет свои.

Второй кавалерийский эскадрон.
Назначен здесь Кубат политруком.
С солдатами успел сдружится он,
Как будто с каждым
С детства был знаком.

Передает он
Партии наказ:
— Друзья!

Отчизна всем нам дорога!
Есть матери у каждого из вас —
Спасите их!
Спасите от врага!

Вы знаете,
Как враг бывает лют.
Вы столько горя видели окрест!
Не ваши ли невесты слезы льют? —
Спасите от врага
Своих невест!

Детишки в битву провожали вас.
Казалось,
Горя не было лютей.
С отцов мальчишки не спускали глаз, —
Спасите от врага
Своих детей!

Умеет и ползущая змея
На жаворонка мирного напасть:
Скользнет в траве,
Как черная струя,
Заворожит —
И птица лезет в пасть.

Но мы гадюке голову снесем!
Ведь выбора у нас иного нет!
Своих детей и внуков мы спасем, —
Пускай над тьмой
Восторжествует свет!

Сумеем вражью силу мы сломать,
Лишь в бой бы!

Только в бой бы поскорей!
Ведь Родина —
Она такая мать,
Которая родит богатырей.

Умели мы встречать таких гостей.
Пожалуют —
Давали им приют.
Чьих только нету здесь,
В земле,
Костей! —
И до сих пор кругом они гниют!

Пусть мертвые враги лежат в пыли!
Пускай над ними кружит воронье!
С избытком хватит и теперь земли,
Чтоб всех фашистов
Закопать в нее!

Все наше тут:
Ручей,
Лесистый склон...
Да разве отдадим мы
Край такой!
Мы столько пота пролили,
Что он
Мог среди рек бы стать
Большой рекой!

Не заримся на каравай чужой, —
Пускай едят бедняк и сирота.
В их дом
Мы не придем
Творить разбой,
Кусок у них не вырвем изо рта.

Друзья!
Взгляните-ка по сторонам:
Киргизы, русские, —
Мы все —
Друзья!
Татары и казахи —
Братья нам:
Одна большая,
Дружная семья!

У всех у нас на лбу —
Одна звезда.
Тут — братья все! —
Увидев, скажет всяк.
Мы —
Как орлы из одного гнезда.
Так устоит ли перед нами враг?

Ведь хлеб один,
Вставая до зари,
Вы ели,
В цех и на поле, спеша.
И вспоены вы,
Как богатыри,
Одной водой
Из одного ковша.

Так устоит ли перед вами враг?
Друзья!
Расправьте крылья, как орлы!
Придется с бою брать нам каждый шаг —
Военные дороги тяжелы...

Хоть молод
Новый политрук Кубат
И выглядит среди бойцов юнцом,
Но все с ним
С уваженьем говорят,
Советуются, будто бы с отцом.

Он слов не повторяет лишний раз,
Приказ его для рядового свят.
Сказал —
И будет выполнен приказ.
Сказал —
И жизнь готов отдать солдат.

Аркадий —
Эскадронный командир —
Кубату самый лучший друг и брат.
Друзей таких еще не видел мир:
В походе под одной шинелью спят,

Натягивают разом удила,
Из котелка из одного едят, —
Как будто мать одна их родила,
Двух близнецов,
Неустрашимых львят!

Кубат с рассветом побывал в полку.
Окончен отдых,
Завтра в бой опять —
В полночный час
Форсировать реку
И на Тирасполь с юга наступать.

Не прогремит речной уснувший вал,
Такая тишина в немой дали,
Как будто бы
Весь мир откочевал
На самый дальний край ночной земли.

Беззвучной рысью эскадрон идет,
Подковы рысаков не прозвенят,
О стремя стремя
Вырвались вперед
Два всадника —
Аркадий и Кубат.

Подъехал к ним дозор передовой:
В селе,
За ближним перелеском, —
Враг.
Рубеж противник строит огневой.
Охраны нет —
Враги не ждут атак.

— Ну, что ж! —
Атаковать не будем их! —
Сказал Аркадий, —
Обойдем село...
Повел в обход он
Конников своих:
Спешу, боец,
Пока не рассвело!

Рысцою взобрались на холм крутой —
И лавой понеслись по склону вниз,

Как будто начался
Великий той,
Как будто ожидал джигитов приз,

Осталась Слободзея позади —
И вон уж где наездники пылят!
Дрожи,
Земля,
От топота гуди:
Добыча не уйдет от соколят!

Прокрались мимо вражеских постов,
Вступили в лес,
Шумящий у Днестра.
Неслышно проскользнули меж кустов,
Лесная мгла безмолвна и хмура.

Вот и Тирасполь.
Крайние дома.
Патруль!
Но саблю выхватил Кубат.
Короткий вскрик.
И снова тишина.
Лишь кони по дороге пыль клубят.

Вон темный дом,
Стоящий в стороне.
Кубат троих бойцов ведет к нему.
Окошко приоткрыли в тишине.
Луч фонаря,
Скользнув,
Прорезал тьму.

Эсэсовцы —
На лавках, на столе.
Храпят, пьяны.
Не разбудил и свет.
Как трупы,
Для которых на земле
И для могилы даже места нет!

Один,
Обняв бутылку коньяка,
Храпит в углу,
Попав как будто в хлев.
Дал офицеру политрук пинка —
Вскочил тот,
От испуга ошалев.

Но лишь едва увидел автомат —
Вмиг вскинул руки,
Подняли других.
Стоят они у стенки
И дрожат —
Десяток мертвецов полунагих.

Корова,
Потерявшая рога,
И та, видать, храбрее во сто раз.
Ох, до чего же жизнь им дорога!..
Не сводят немцы с автоматов глаз.

Сказал Кубат:
— Свой дом увидит тот,
Кто правду всю расскажет до конца!..
...Допрос окончен.
Немец не солжет.

Спасая жизнь,
Не утаит словца.

А офицер от ужаса ослаб.
О, если б фюрер мог тут побывать!
Захлебываясь,
Выложил, где штаб, —
Как видно, и на клятву наплевать!

...Короткий звон разбитого стекла.
Разгромлен штаб...
Фашисты не в кольце ль?
И вражья кровь на камни потекла,
Гранаты полетели прямо в цель.

Строчили автоматы в темноте.
Как ни мечись —
Везде отрезан путь!
Немногие бежали,
Да и те
Штанов не успевали натянуть!

Штабные документы —
Вот они!
Кубат их положил себе в планшет!
Теперь — назад!
Гони коня, гони!..
Светлеет небо.
Близится рассвет.

Аркадий сосчитал бойцов своих.
Бинты белеют в темноте немой.
Недосчитался командир троих —
Их не дождутся матери домой.

Но вот обратно
Эскадрон потек,
Спеша из тыла вражьего уйти.
Он был,
Как нескончаемый поток,
Три капли потерявший по пути.

Раесветный луч над лесом заблестел,
Потрогал стремяна богатырей,
Как будто он
Предупредить хотел:
Джигиты,
Уходите поскорей!

И расступился перед ними лес—
Дорогу дал,
Укрыл бойцов, как мать.
Навис над ними
Лиственный навес:
Попробуй их теперь найти,
Поймать!

Березы протянули ветви к ним —
Так тянут руки старые друзья:
Мол, от врага
И мы вас сохраним, —
Ведь с вами тоже мы —
Одна семья.

А вот и лес остался вдалеке.
Протарахтел бревенчатый мосток,
Джигиты скачут,
Наклонясь к луке.
Скорей назад!
Скорее на восток!

И вдруг ударил сбоку пулемет.
Дозорные слетели с лошадей.
Аркадий скакуна пустил в намет
И прямо на врага
Повел людей.

Храпя,
Вперед рванулись рысаки
И через бруствер
Вмиг перенеслись.
Сверкнули обнаженные клинки
И в шеи пулеметчиков впились.

Попробуй тут
В окопе усиди,
Коль молнии джигитам вручены,
Коль смерть —
И впереди, и позади,
И головы летят,
Как кочаны!

Позицию атаквали в лоб.
Руби, джигит!
И здесь врагу урон.
Кубат перемахнул через окоп —
И вслед за ним
Помчался эскадрон.

Сквозь пули на дорогу прорвались.
Сдержи обвал,
Сорвавшийся с горы!..
Порозовела,
Запылала высь,
Как будто запалили в ней костры.

Кубат рубил противника сплеча.
Но вдруг,
Схватясь за холку,
Сполз с седла.
Джигит и не заметил сгоряча,
Что пуля под ключицею прошла.

С коня Аркадий мигом соскочил,
С бинта обертку плотную сорвал.
Как будто целый век людей лечил,
Кубату рану
Вмиг забинтовал.

Как будто острым шилом был проткнут
Ремень от портупей под плечом.
В седле попробуй удержаться тут,
Коль кровь из раны
Так и бьет ключом!

В ГОСПИТАЛЕ

Как быстро две недели
Пролетели!
Кубат окреп.
О, как он рад тому,
Что может подниматься он с постели,
Что силы возвращаются к нему!

Часами бродит он по коридору,
Одетый в серый байковый халат.
Идет Кубат,
Прислушиваясь к спору, —
Собрались тут бойцы из всех палат.

Ребята,
Как и водится,
Ершисты.
Один кричит:
— К победам фриц привык!
Вон через Буг проклятые фашисты
Перешагнули,
Как через арык!

Другой в ответ:
— Я знаю нрав их бычий:
Все прут да прут,
А стоит дать отпор,—
Глядишь —
И подавился фриц добычей,
Глядишь —
Назад,
В Германию,
Попер!

А третий:
— Вор подавится и супом!
Упырь —
Он сроду не бывает сыт!
Он кровь сосет,
Пока не станет трупом,
В который кол осиновый забит!

Четвертый молвит:
— Отступаем с толком!
Солдат немецкий —
Кто он? —
Истукан!
Настанет день —

И фриц завоюет волком,
Как только попадется в наш капкан!

Мы отступаем,
Сберегая силу.
И Днестр и Буг —
Мы все назад вернем!
А партизаны —
Те ударят с тылу...
Фашистов до Берлина отшвырнем!

— Лишь в армию скорей бы
возвратиться! —

И замолкают...
Снова в бой бы с ней!
Ведь каждый —
Нашей Армии частица,
Ведь будет с ним она
Еще сильнее!

Лишь об одном все помыслы Кубата:
Скорее бы вернуться в эскадрон!
Воюют по-чапаевски ребята...
А друг его Аркадий?
Жив ли он?

Знать, поредела часть,
В боях растаяв...
Вдруг комиссар стремительно вошел.
Кубат поднялся.
— Кто тут Джуматаев? —
Вошедший взглядом раненых обвел.

— Я! —
Отвечал,

Навытяжку вставая,
Кубат,
С начальства не спуская глаз,
Как будто здесь была передовая,
И он готов был выполнить приказ.

— Садись, садись! —
И тут же дверь открылась —
Вошел кавалерийский генерал.
Его Кубату видеть доводилось,
Когда он в штабе назначение брал.

За ним — Аркадий!
Рад счастливой встрече.
Глядит в глаза,
Веселый, молодой...
Поздравил генерал в короткой речи:
— С наградой, воин!
С «Красною Звездой»!

Кубат:
— Служу Советскому Союзу! —
И тронул орден на своей груди,
Бойцу-джигиту служба не в обузу, —
Еще боев немало впереди.

Награда Родины —
Звезда такая.
Она — на шапке,
На груди — она.
И над Кремлем горит она,
Сверкая, —
Как орден,
Родине самой дана.

Пожав Кубату на прощанье руку,
Ушли и комиссар, и генерал...
О многом
Рассказал Аркадий другу —
О павших,
О живых он рассказал.

Воюет эскадрон совсем неплохо.
На фронте для фашистов он —
Гроза.
Он —
Словно острый куст чертополоха,
Вонзившийся противнику в глаза.

Он —
Как кинжал,
Воткнутый немцам в глотку.
Завидят нас —
Испуга не таят.
Надеялись на воду
Да на водку,
А выпили они
Смертельный яд!

— Стоим сейчас недалеко от Буга,
На отдыхе...
Ах, пятый день ношу... —
И он лукаво поглядел на друга:
— Тебе письмо...
Не позабыл Айшу?

Кубат открыл конверт рукой дрожащей,
Присел за стол.
Склонился над листком.

Бегут слова цепочкою скользящей...
Как этот почерк юноше знаком!

И кажется ему:
Сама подруга
Вошла к нему в палату в этот миг.
Заговорила,
Обнимая друга,
И сам он к ней
Взволнованно приник.

Стоят они,
Как прежде,
У окошка.
Айша светла,
Как полная луна...
Сбежала в сад
С высокого порожка
И соловья заслушалась она.

Цветущую зеленую поляну
Так явственно увидел он опять,
Что даже руку протянул к тюльпану,
Чтоб бабочку сидящую поймать.

И кажется:
Не белый лист бумаги —
Он держит руку белую Айши.
Прибавилось и силы и отваги!
Скорей на фронт!
На фронт, Кубат, спеши!

Целебней всех лекарств
Посланье это!

Он даже к ране белый лист прижал,
И другу —
Тут военной тайны нету! —
Он все открыл
И все пересказал.

НИСЬМО АЙШИ

Здравствуй, мой друг, мой брат!
Слов пустых не бросала:
Имя твое,
Кубат,
В сердце свое вписала.

Думы мои, мечты,
Милый Кубат мой,
Ведай:
Лишь бы вернулся ты,
Лишь бы пришел с победой!

Труд здесь нелегок наш.
Делаем все,
Что в силе.
Ткем для вас трикотаж,
Чтоб вы одеты были.

Новый способ ищу, —
Кажется,
Выйдет дело...
Лишь о тебе грущу, —
Чуточку похудела.

Буду во всем,
Как ты, —

Так и сказала маме.
Нам —
Одевать фронты,
Вам —
Воевать с врагами.

Смена моя дружна.
Вновь отстают соседи...
Больше наткем сукна —
Ближе на шаг
К победе.

Коль возвратишься жив —
И обо мне услышишь...
Знаю,
Что ты не лжив,
Но почему не пишешь?

Иль разлюбил меня?
Что ж тогда
Остается?
Сердце —
День ото дня —
Лишь для тебя и бьется!

Может,
Забыл Айшу?
Думаешь,
Тут чернила? —
Кровью тебе пишу!
Сердце
В конверт вложила!

Жизнь моя!
Слово — мед!
Если вкусить его мне —
Сразу печаль уйдет...
Вспомни о милой,
Вспомни!

Буду вдали —
Близка.
Буду всегда с тобою.
Милый!
Твоя тоска
Станет моей тоскою.

Буду с тобой в бою!
Помни:
Мечом разишь ли —
Рядом с тобой стою, —
Все мы
На битву вышли.

Сел на коня —
Не трусь!
Немцев руби по шее!
Вместе с тобой ворвусь
Я в блиндажи,
В траншеи.

А отличишься вдруг —
Мне ли тебя стыдиться?
Буду среди подруг
Милым своим гордиться!

Джалал-Абад, 1941.

Твоя Айша.

* * *

Кубат на друга глянул чуть устало...
Сказал Аркадий:
— Как честна, пряма!
Как будто бы письмо тебе писала
Не девушка,
А Родина сама!

По-моему,
Тут не простое слово,
А клятва,
И надежда,
И наказ.
Она хоть нынче в бой пойти готова...
Садись пиши!
Пиши ответ сейчас!

А как умна,
Упорна в деле всяком!
Айша!
Ах, до чего же хороша!..
Цветы однажды сочетались браком —
И родилась от них
Твоя Айша.

Скажи,
Что нужно для цветка такого?
Победа!
Лишь победа, дорогой!
Чтоб под ее лучом расцвел он снова,
Чтоб враг не растоптал его ногой!

И снова вспоминается Кубату,
Как за цветами в горы шел с Айшой
Навстречу желто-красному закату,
Пылающему,
Как костер большой.

Он снова слышит голоса девичьи, —
И не поймешь —
То ль девушки поют,
То ль ручеек,
Воркующий по-птичьи, —
Звенит, звенит
И не смолкает тут.

А как вершины снежные блестящи,
А как прозрачны светлые струи!
И видит он
Ореховые чащи,
Раскрывшие объятия свои.

А вот и дом их,
Потемневший, старый...
Шумит листвой чинара у ворот...
Вот здесь они встречались
Под чинарой, —
Она, наверно,
И теперь их ждет.

А реки те
С поэтами в союзе.
Гремя, журча,
Они сбегают вниз.
Звенит Нарын —
Как будто на комузе
В горах играет комузчи-киргиз.

Вплетаясь в песню нотой оркестровой,
Звучит раздольно «Джаш кыял» Токо* —
Его напев,
То нежный, то суровый,
Разносится над степью далеко.

А где-то там,
За снежными горами, —
Москва в разгаре трудового дня.
Мерцают в небе звезды вечерами —
Кремлевским звездам дальняя родня...

Вот ландыши
С росинками-слезами
На каждой снежно-матовой серьге...
Бегут воспоминанья пред глазами,
Как рысаки,
Что скачут на байге**.

И пестрый луг,
И летний вечер ранний,
И девушка,
Спешащая к окну, —
Нанизаны на нить воспоминаний,
Как бусинки на ниточку одну.

Вот старый дом,
В котором ты родился...
Глухое бормотание ручья,

* Песня Токтогула «Молодая мечта».

** Скачки.

Плодовый сад,
В котором ты трудился, —
Всё — Родина,
Всё — Родина твоя!

И белая береза
И чинара,
Обнявшиеся,
Дружбы не тая,
И тополи зеленого бульвара, —
Всё — Родина,
Всё — Родина твоя!

Мелодия,
Звнящая в округе,
Киргизской речи вечная струя,
И самый первый поцелуй подруги, —
Всё — Родина,
Всё — Родина твоя!

Зеленый Фрунзе,
Ошская долина,
Москва,
Хранящая твои края,
Пригревшая киргиза,
Словно сына, —
Всё — Родина,
Всё — Родина твоя!

Письмо Айши —
Наказ всего народа,
Твоей земли,
Твоих лесов и рек.

Врага,
Который рвется в край восхода,
Уничтожай,
Советский человек!

Борись, киргиз!
Дерись,
Джигит,
С врагами!
Громи,
Киргиз,
Врага со всех сторон!
Чтоб не посмел топтать он сапогами
Ту землю,
На которой ты рожден!

Пускай гудит под танками равнина —
Останови врага
За той грядой!
Чтоб никогда не пил он из Нарына —
Пусть захлебнется
Бужскою водой!

Не хочешь ты,
Чтоб враг срубил чинару,
Где с милой проводил ты вечерок, —
Сруби фашиста с одного удара,
Чтоб никогда подняться он не смог!

Пускай к победе путь лежит неблизкий —
Народ родную землю защитит!
Кто смеет запретить
Язык киргизский?
Кто песни Токтогула запретит?

Не отдадим ни Фрунзе,
Ни Москвы мы —
Клянемся силою своей любви!
Нет!
Не враги,
А мы непобедимы!
Живи, язык наш!
Токтогул, живи!

...Глаза у Джуматаева блестели
Кубат листочек бережно сложил
И растянулся на своей постели —
Скорее бы набраться
Новых сил!

В СТРЕЛКОВОЙ РОТЕ

И вот, наконец-то, он снова в строю!
Но только —
В родной эскадрон не попал,
Такое случается часто в бою.
Заспоришь —
Напрасно потратишь запал.

Кубату теперь не скакать на коне,
По вражьи́м тылам по ночам не кружить.
Он стал пехотинцем простым на войне...
Но только об этом
Не стоит тужить!

Пехота везде проберется,
Пройдет,
Где может споткнуться и резвый рысак.
Ворвется в траншею,

Во вражеский дог,
Окружит —
И фриц попадает вросак.

Болота.
Лесная дремучая тишь,
Корявые ели,
Поросшие мхом.
Пролезь-ка в чащобу!
Сюда долетишь,
Коль сядешь на дикого гуся верхом!

Под городом Холм окопались бойцы.
Кубат Джуматаев и здесь —
Политрук.
Казахи, узбеки —
Тут все храбрецы, —
Солдатскою дружбою спаянный круг.

С бойцами Кубат подружиться сумел.
Тут много киргизов,
Рожденных в горах.
Хитры Толеген, Арзымат и Кемел, —
Воюют умело,
Неведом им страх.

Командует ротой храбрец Алексей.
Дружит,
Как Аркадий,
С Кубатом и он.
Ведь дружба —
Как крылья для верных друзей:
Захочешь —
Взовьешься на них в небосклон!

Киргизы и русские
Всюду дружны.
Кубат с Алексеем —
Два брата родных.
Рождается дружба
Во время войны
В тяжелых походах,
В боях затяжных.

Железом и сталью
Она скреплена —
Не сыщешь на свете
Надежнее скреп.
Лишь дружба такая
Солдатам нужна —
Одна у них доля,
Один у них хлеб.

Ну, разве фашисты
Нащупают брод,
Коль русские реки
Сольются в одну,
Коль воды и Волга
С Нарыном сольет?
Нет!
Враг захлебнется!
Пойдет он ко дну!

Сожженные села,
Лишь пепел и чад...
Фашисты у Холма
Застрали в грязи.
Их танки —
Лишь башни в болоте торчат —

Завязли, —
И хоть на себе вывози!

Был только в Европе
Беспомощный враг...
А здесь —
Наступает возмездия срок!
Как падаль,
Как трупы бездомных собак,
Валяются немцы,
Гниют у дорог.

Лишь высунут голову —
Пуля найдет.
В засаде —
Недремлющий снайпер-киргиз.
Иль вдруг —
Артиллерии русской налет.
Разрыв —
И на бруствере немец обвис.

А вот из-за тучек,
Что так высоки,
На немцев пикирует
Наш бомбовоз.
Забились,
Как в норы свои барсуки,
Боятся наружу и высунуть нос!

В глубоких воронках
Луга и поля.
Дымком синеватым курится жнивье.
Снарядами всюду
Изрыта земля, —
Так плугом и то не вспахать бы ее.

Нет!
Фрицы теперь
Не вернуться в Берлин.
Окопы для немцев —
Последний приют.
Вот здесь,
Среди русских просторных долин,
Под карканье воронов так и сгниют.

* *
*

Подземная крепость —
Глубокий блиндаж.
Толстенные бревна лежат в три ряда.
За это жилище
Полжизни отдашь!
Одно лишь неладно —
Сочится вода.

И сверху, и снизу
Бежит ручейком,
Холодную змейкой
За ворот скользит.
Хоть круглые сутки
Таскай котелком —
Все к самой постели
Добраться грозит.

Стоит на сосновых подставках кровать.
Живут здесь,
Как братья,
Кубат, Алексей.
Одною шинелью

Двоих укрывать, —
Пожалуй,
Нельзя и сдружиться тесней.

Вон карта,
Как скатерть,
На длинном столе.
В раздумье склоняются оба над ней.
Вот что-то черкают на левом крыле.
Что может быть этого дела важней!..

— Тут — мельница! —
Тихо сказал Алексей, —
Тут — речки.
А тут вот — изба лесника...
Над речкой — окопы...
Подняться посмей —
Там немцы такого дадут огонька!

А в доме,
Как видно,
Никто не живет...
Заданье:
Проникнуть тайком на чердак:
Увидим — где пушки,
Где — к дотам проход,
Узнаем,
Куда направляется враг.

Прощупаем всю оборону врага —
Считай,
Что заранее выигран бой...
Бери-ка ребят —
Да и вся недолга...

Кого ты в разведку
Захватишь с собой?

Тут —
Сам понимаешь —
Нужны храбрецы!..
Кубат Джуматаев заданию рад.
Найдутся,
Найдутся такие бойцы!
Доверие друга
Дороже наград!

Подумав,
Кубат отобрал пятерых.
Вот Федор, сержант.
Добродушный, простой...
А вот Толеген.
О приказе узнал —
Примчался,
Как будто собрался на той*.

Принес заявленье.
Вступает солдат
В ряды коммунистов.
Надумал давно.
Взглянув на него,
Улыбнулся Кубат:
— Я думаю, примем...
Но помни одно:

Для всех беспартийных пример —
Коммунист.

* Пир.

В атаку бросаешься —
Первым иди.
Пусть трудно,
Пусть путь у тебя каменист,
А ты не сдавайся,
Шагай впереди!

Насколько врага ненавидит храбрец,
Настолько и родину любит свою!
Но,
Глянув отважно,
Промолвил боец:
— Клянусь,
Оправдаю доверье в бою!

А если убьют —
Попросите друзей, —
Был взгляд Толегена отважен и чист, —
Чтоб слово тогда
Над могилой моей
Написано было одно:
Коммунист!

Иван,
Арзымат,
Толеген
И Кемел
За Федором следом
К Кубату идут.
Накидку защитную каждый надел...
Да разве такие
В бою подведут!

Гранаты у пояса.
Каждый прижал,
Как друга,
Поближе к себе автомат.
В разведку идешь —
Не забудь и кинжал;
Не раз выручал он в разведке солдат.

«ЯЗЫК»

Шагают вшестером по лесу молча.
Тут каждый пень —
Как вражеский редут.
Как будто след выслеживая волчий,
Цепочкою
Охотники идут.

Деревья расступаются неслышно:
Идите —
И разделайтесь с врагом!
Густые мхи,
Разросшиеся пышно, —
Как мягкий пуховик под сапогом.

А кочки —
Как пружины под ногами:
Прогнувшись,
Распрямляются опять, —
Болотная вода бежит кругами,
Колышется встревоженная гладь.

Прошли бы тут
Лишь горные козлята!..
А вот и дом под елью

На холме.
Кругом неслышно обошли ребята —
Ни шелеста,
Ни шороха во тьме.

Как зверолов,
Добравшийся до цели,
Насторожась,
Прислушался Кубат...
А вдруг тут автоматчики засели?
— А ну, зайди-ка в избу,
Арзымат!

— Смотри — потише!..
Тишина такая,
Как будто всюду —
Сотни вражьих глаз.
И, руку на гранату опуская,
Спешит разведчик выполнить приказ.

Он —
Словно сокол,
Сбросивший наглазник:
Его хозяин терпеливо ждет,
А он рванулся в битву,
Как на праздник...
Но вот обратно
Арзымат идет.

— Там — ни души!
Знать, только нас и ждали!
И лестница,
На счастье,
Наверх есть!

Но что-нибудь увидим мы едва ли —
Темно!

— А мы попробуем залезть!

Полезли наверх Арзымат с Иваном.

А остальные —

Поползли к реке.

Вода журчала в беге неустанном,

Звенела,

Бормоча невдалеке.

Казалось,

Что поэт,

Стихи слагая,

Невнятно что-то тихое бубнит...

А за рекою —

Тишина другая:

Притягивающая,

Как магнит.

Там — враг.

На взгорье часовой маячит,

А рядом с ним чернеют бугорки.

Кубат взгляделся в них:

Так вот где, значит,

Укрылась батарея у реки!

Пожалуй,

Поиск завершен удачно...

И по-пластунски двинулись назад.

Тем временем

По лесенке чердачной

Спустились вниз

Иван и Арзымат.

Собрались все.
Довольный, как мальчишка,
Сказал Иван:
— Товарищ политрук!
Чердак — как наблюдательная вышка!
Такой обзор —
На двадцать верст вокруг!

— Идем! —
И все поднялись за Кубатом
По лестничке скрипучей на чердак.
А он тихонько говорил солдатам:
— Побудем здесь...
Иван, к окошку ляг!

— С такого места уходить обидно!
До новой ночи здесь и подождем!
Что нужно —
Все отсюда будет видно...
Погибнем —
Очевидцем станет дом...

Фашисты —
Не трава в сырой низине,
Где не сочтешь травинок за сто лет.
Увидим
Каждый кустик на равнине,
Войдем в окоп
За каждым немцем вслед.

И все пометим
Вот на этой карте.
Придут враги —
Дыханье затаим...

Откроют нас —
Гранатами ударьте!..
Прорвемся на болото —
И к своим!

Но вот заря
В оконце заглянула —
Встал пыльный столб,
Просвеченный насквозь.
И все,
Что без следа в ночи тонуло,
Опять в лучах рассветных родилось.

Окопы —
На береговом изломе.
Дымки пунцово-красные вдали.
Казалось,
Что в огромном темном доме
Светильник богатырский разожгли.

Вон там,
В кустах прибрежных, —
Не челнок ли?
А там вон кухня...
Вьется сизый дым...
Вот немец с котелком
Проплыл в бинокле,
Вот и другие тянутся за ним.

Шагают,
Сгорбясь,
По крутому скату.
На серых лицах —
Пятна зеленцы.

Ползут на свет —
И кажется Кубату,
Что это выползают мертвецы.

Как волчьи норы —
Узкие траншеи.
Как низкие пригорки —
Блиндажи.
Влезают немцы —
Автомат на шее —
В подземные сырые этажи.

Глядит Кубат на тихие поляны —
В болотной жиже
Грузовик погруз.
Там доты —
Как бетонные капканы.
Но в них попасть
Бойтся только трус.

Как холмики,
Поросшие травой,
Застыли танки плоские вдали.
И кажется,
Что, встав дугой кривою,
Они к земле навеки приросли.

Орудья —
Вроде длинных труб фабричных,
Низвергнутых ударом грозным,
Лежащих в позах самых необычных
Среди полей
Под небом зоревым.

Рассказывать еще об этом надо ль? —
Вон трупы мертвых волокут в кусты.
Как вороны,
Слетевшие на падаль,
Чернеют над могилами кресты.

Ну что же, немцы!
Ешьте суп в азарте!..
Условные значки в глазах рябят:
Орудья, танки —
Все теперь на карте.
Пора домой!
Пора назад, Кубат!

И вдруг Кемел предстал перед Кубатом.
Но как он бледен,
Как взволнован он!
Как будто бы погнался за солдатом
Огромный огнедышащий дракон...

— Три немца прямо к дому тянут провод, —
Видать, телефонисты тут сидят!
Их наши увидали в то окно вот!..
— Доставишь карту! —
Прошептал Кубат.

— Скорей, Кемел!
Беги по той ложбинке!
Вон видишь тропку узкую в куге? —
Кемел — в окно.
Помчался по низинке
Быстрее иноходца на байге.

А немцы в тот конец и не взглянули,
Молчком работу делали свою —
Зеленый провод
За собой тянули,
Как длинную и тонкую змею.

Но вот они
Тревожно оглянулись.
Один из них
Вкруг дома обошел,
Потом другим махнул рукой,
Сутулясь, —
И заскрипел под их ногами пол.

По лесенке взобрались два солдата
И лейтенант.
Шагнули в полутьму,
Расположились возле аппарата,
Как будто были в собственном дому.

Один —
Их офицер —
Присел на сене,
Другой —
В оконце глянул и зевнул,
А третий,
Опустившись на колени,
Неторопливо ручку крутанул.

И тут —
Геройское свершилось дело!
Вскочили наши.
— Хальт! —
Вскричал Кубат.

Враги,
Застыв,
Глядели обалдело
На дула автоматов,
На солдат.

Фашисты,
Сразу став белей бумаги,
Покорно кверху подняли
Шесть рук,
Как будто бы на выборах в рейхстаге,
Где фюрера избрать пришлось им вдруг.

Отдав оружие,
Слова не сказали.
Молчали,
Как покойники в гробу,
Как будто языки им привязали
Их телефонным проводом к столбу.

Связали мигом пленников солдаты.
Теперь,
Фашист,
Европою владей!
Арийцев,
Словно в цирке акробаты,
Стреножили,
Как диких лошадей.

В одну минуту
Рты заткнули кляпом,
Спустили вниз
По лесенке крутой.
В испуге немцы задышали с храпом,
А мир держать мечтали под пятой!

Пришли сюда
С несатыми глазами —
Насытиться в Европе не могли!
Ну что ж!
Теперь рассказывайте сами,
Зачем
И с чем в Россию вы пришли!

— Скорей ведите «языков», ребята!
Заставим скоро их заговорить! —
Фашисты,
Озираясь на Кубата,
Шагали к лесу,
Прибавляя прыть.

Дом лесника —
Единственный свидетель —
Глядел вослед,
Как будто ликовал:
То не враги явились на рассвете ль,
На чердаке устроили привал?

Фашисты шли,
Поникнув,
По тропинке,
Как разорившиеся торгаши,
Которые хотели,
Как на рынке,
Купить чужую землю за гроши.

Уже почти окончилось болото,
Когда над лесом просвистел снаряд.
В крутую жижу
Шлепнулся с разлета,

Извергнув грязи
Целый водопад.

Один солдат —
Неласковая доля! —
Разорван был в болотной полумгле,
А голова,
Как перекасти-поле,
Вдруг покатилась
По сырой земле.

А Толегену руку оторвало,
Осел он наземь,
Голову склоня...
Война, война!
Бойца обворовала
Ты,
Как воровка,
Среди бела дня!

НАСТУПЛЕНИЕ

И вот
Орудья ахнули с рассвета,
Заговорили около шести.
Кто в первый раз увидел в жизни это,
Тот мог бы
В этот миг
С ума сойти.

А вслед за ними
Грянули «катюши»,
И покатилося эхо по лесам.
С землею вместе

Вражеские души
Взлетали прямо к дымным небесам.

Траншеи, доты —
Все разворотило.
Клубится дым
С немецкой стороны.
Что ни окоп,
То новая могила —
Враги на дне
Живьем погребены.

А танки загорались
То и дело,
Стояли,
Как стога,
В дыму, в огне.
Река —
И та, казалось,
Закипела,
Как будто разожгли
Костры на дне...

А самолеты сверху —
Как ударят!
Не устоял тут ни один редут.
Так мясо в казане огромном варят,
Пока его к столу не подадут.

И вот —
Солдаты двинулись в атаку.
— Ура! —
Загрохотало,
Как набат.

В траншеи вражки ринулись по знаку,
Удар был точен.
Молодец, Кубат!

Десятки мин обрушивались в воду,
Столбом кипящим
Вырастал разрыв.
Бойцы реку
Форсировали с ходу,
Попробуй укроти
Такой порыв!

Среди солдат немецких ужас сея, —
О, наконец-то битва началась! —
Одной из первых
Рота Алексея
В немецкие окопы ворвалась.

А на холме,
Где елка желтоигла,
Нет больше домика
В лесном краю, —
Лишь груда пепла...
Даже дом постигла
Судьба солдата,
Павшего в бою.

Фашисты кверху вскидывают руки...
Вдруг ожил на бугре
Немецкий дзот.
Ну что ж!
Как видно, мало вам науки!
К бойнице узкой
Арзымат ползет.

А пули пятерых уже сразили —
И среди них упал храбрец Кемел.
А там —
Не пленники лежат в грязи ли?
Никто из них укрыться не сумел.

Две очереди по врагу хлестнули —
Подкрался к амбразуре Арзымат.
Да разве для фашиста
Жалко пули?
И вновь
Заторопился автомат.

Замолкнул дзот.
Вскочила снова рота.
Бойцы врага
Атаковали в лоб.
Как львы,
Перенеслись они с разлета
Через пустой,
Покинутый окоп.

Эсэсовцы!
Сдаваться не пора ли?
Нет,
Зайцам не укрыться от орлов!
Фашисты в рассыпную удирали, —
Захочешь рассказать —
Не хватит слов.

Валяются расколотые пушки, —
Как будто повалились,
Тяжелы,

Разбитые грозою на опушке
Огромные древесные стволы.

Забиты все окопы
Мертвецами, —
Зеленые мундиры —
Как трава...
Нет!
Живы люди с львиными сердцами!
На эту землю лишь у них —
Права!

Как угли на кочевье опустелом
Остатки танков тлеют и чадят.
На пушечном стволе
Обвисшим телом
Лежит убитый вражеский солдат.

Теперь — вперед!
Повсюду пепелища...
Остались сзади
Линии траншей.
Пусть враг бежит
Из нашего жилища,
Как наглый нищий,
Выгнанный взашей!

Еще бежать он будет без оглядки
Из Торопца,
Из Холма,
Из Ельца.
Улепетнет —
Лишь засверкают пятки,

Но не уйдет от правого конца!
Вот Алексей Кубата обнял с жаром,
Как будто были
Век разлучены...
Нет!
Двух солдат
Судьба свела не даром
Суровым летом
На путях войны!

НАГРАДА

На отдыхе дивизия Кубата.
Пронизан солнцем
Корабельный бор.
И кажется,
Что вырвались солдаты
Из душного подвала на простор.

Звенят над речкой сосны,
Бронзовея,
В зеленых травах
Рдеет луч сквозной.
Оружье чистит
Рота Алексея.
И вдруг —
Политрука позвал связной.

Кубат закинул леску у залива:
Не клюнет ли рыбешка невзначай...
— Ну что ж! —
Промолвил Алексей шутливо, —
Иди, дружище,
Орден получай!

— Обмыть придется! —
Ликовал он пылко,
Подмигивая верному дружку, —
— Хоть расшибись,
А чтоб была бутылка,
Стояла вот на этом бережку!

Кубат поднялся.
Дело было срочным!
Мундир скорее застегнуть хотя б!..
Не зря ведь Джуматаева с нарочным
Немедленно потребовали в штаб.

— Обмыть?
Согласен!
Оба будем рады...
Кивнул он другу:
— Вот моя рука!..
...Но оказалось:
Сразу две награды
Сегодня в штабе
Ждут политрука.

Пожал полковник руку,
Поздравляя,
И тут же «Знамя Красное» вручил.
А вот награда воину
Другая, —
За что ее он только получил!

Такое счастье в жизни раз бывает!
Глядел он изумленно,
Не дыша, —
Влюбленного судьба не забывает:

Стояла перед ним
Его Айша!

И сразу же
Посыпались вопросы,
Заговорили оба невпопад.
Глядит он на нее...
А косы, косы!
Струятся,
Будто черный водопад!

Они нежны,
Как мягкий мех куницы.
Возьми их в руки —
И перебирай...
Глядит Айша стыдливо
Сквозь ресницы...
О счастье!
Снова бьешь ты через край!

За руки взявшись,
Обо всем забыли.
Айша яснее утренней звезды...
Скажи, Кубат,
А тосковал не ты ли
Об этой встрече
В дни большой беды?

На них косятся:
— Ах, какая пара!..
Кубат,
С друзьями счастьем поделись!..
Стоят —
Как будто тополь и чинара.

Как ветки,
Руки их переплелись.

Он так не волновался перед боем,
Когда с друзьями шел к передовой.
Ликуют оба,
Словно жизнь обоим
Вручила самый высший орден свой.

Уже и места не было надежде:
Попал на фронт —
Судьбе не прекословь!
А тут,
На фронте,
Встретились,
Как прежде...
Нет!
Все-таки всесильна ты,
Любовь!

Их лица раскраснелись,
Запылали,
Как будто у зажженного костра.
Найдется пламя горячей едва ли
Костров твоих,
О юности пора!

Как молния, врага в бою разящий,
Чье мужество —
Отточенный клинок,
Кубат,
В глаза возлюбленной глядящий,
И слова даже вымолвить не мог!

Но вот друзей,
В глаза им глядя смело,
Он познакомил с ней накоротке.
Казалось,
Птица-счастье прилетела,
Сверкая,
Села на его руке.

Его Айша —
Живой цветок нагорный:
Покинул он зеленый мирный склон
И узкою тропинкою неторной
Сбежал украдкой
В гости к людям он.

Сбежал —
И, в доме поселившись робко,
Пленил джигита он издалека...
Взгляни:
Белей очищенного хлопка
Ее девичья тонкая рука.

Идет война...
Влюбленные, спешите!
Скорей к реке,
Где глаз нескромных нет..
Кубат с улыбкой молвил:
— Разрешите? —
Но кто бы мог тут
Наложить запрет?

Они спустились к речке по тропинке,
Ромашки обступили их гурьбой.
А тонкие березки и осинки.

Тянули ветки к ним
Наперебой.

— Прости, Айша:
На письма скуп бываю, —
Смущенно глянул на нее Кубат, —
Взять карандаш порой не успеваю —
Из рук не выпускаю автомат.

— Не думай, милый,
Я не обижаюсь,
Хоть каждый день
Тоскую о тебе...
Пускай грущу,
А все-таки мужаюсь:
Попробуй прикажи самой судьбе!

И рассмеялась:
— Ну, какую силой
Увлек меня ты?
Не могу понять!..
Скажи:
Ну как ты ухитрился, милый,
Джайлоо сердца моего занять?

Склонила голову в порыве смелом
К его груди —
Самой себе в ответ!
Как будто бы нигде
На свете целом
Для отдыха желанней места нет!

Волос ее вдыхая запах тонкий,
Молчал Кубат,

Речистый житель гор.
Мужчина,
Он молчал перед девчонкой,
Хоть с малолетства на язык остер.

Стоят —
И ничего не замечают...
Вот взор ее сказал ему,
Любя:
Ты видишь,
Как глаза мои сияют?
Кубат!
Они сияют для тебя!

И не словами ей Кубат ответил —
Он сердцем ей ответил,
Как джигит.
Ее счастливый взгляд
Глубок и светел, —
Он больше слов Кубату говорит.

Айша ответный взор его поймала,
Его глаза подруге говорят:
Кубат,
Который пленных взял немало, —
Стал пленником теперь твоим Кубат!

Верны своим подругам мы,
Солдаты...
Что хочешь —
Прокляни, благослови,
Обрушь скалу с вершины на меня ты, —
Я всё приму,
Ликуя от любви!

А если почтальон
Придет к рассвету —
Полжизни за письмо одно отдашь!..
Мне кажется всегда
В минуту эту,
Что с письмецом
И ты вошла в блиндаж! —

Кубат поцеловал Айшу несмело...
Белея,
Лебедь плыл невдалеке,
Как будто с неба
Облачко слетело
И мирно заскользило по реке.

Айша смутилась,
Став красней пиона:
Ну, можно целоваться на войне ль?
Потом прижалась к милому влюбленно:
— Как хочется и мне
Надеть шинель!

Теперь бы рядом
Оба воевали!
Ах, взять и мне бы в руки автомат!..
Осталась бы на фабрике едва ли...
Но слово я тебе дала,
Кубат!..

Решила я,
Бригаду принимая,
Не потерять минуты ни одной.
Хоть на войну и не пойду сама я —

Пойдете, вещи,
Сделанные мной!

Сказала девушкам:
— А ну, подружки!
Оденем потеплей своих солдат!
Старались,
Помогали мы друг дружке,
И день и ночь работали,
Кубат!

В шинели наши тут бойцы одеты:
Взглянула —
И узнала сразу их!..
О, если б мог увидеть их в труде ты,
Подружек замечательных моих!

В обком меня однажды пригласили:
Поедет делегация к бойцам.
Согласна ли поехать я,
Спросили,
Могла ли отказаться —
Знаешь сам!..

И вот мы вместе!
Как я рада встрече!..
Скатилась по щеке ее слеза.
И, руки положив ему на плечи,
Айша взглянула милому в глаза.

...В просторном светлом доме генерала
Собрались награжденные бойцы.
С Кубатом рядом
С самого начала
Уселись и киргизы-храбрецы.

Как будто вновь на Чу они попали,
Которая неслыханно щедра.
С защитниками родина скупа ли?
Ломился стол
От разного добра.

Казалось,
Что войны и не бывало:
Сошлись друзья —
И, начиная той,
Семья людей рабочих пировала
В квартире,
Светом солнца залитой.
Как масло, желт кишмиш из Аравана.
Горят гранаты —
Самый лучший сорт!
Пылающий,
Как солнце утром рано,
Алеет в вазе
Фрунзенский апорт.

А вот подарок щедрого Тянь-Шаня —
Лежит на блюде ноздреватый сыр,
Молочно-желтой глыбою тараня
Арбуза полосатого мундир.

В прожилках розоватых —
Ломти сала.
Слезится масло...
Вволю ешь и пей!
Не ферма ль вдруг
Сюда прикочевала
С киргизских гор
На фронт среди степей?

Богатырям,
Пожалуй,
Только в пору
Тут пировать
С зари и до зари!
Но разве —
Здесь не может быть и спору! —
Солдаты эти
Не богатыри?

Как фрунзенский рассвет,
Лучатся вина,
Сверкая,
Рюмки отдают им честь
И вопрошают у гостей невинно:
А ну, скажите,
Кто тут пьющий есть?

Айша,
Ликуя,
Рядом с милым села.
С улыбкой смотрит Алексей на них,
О, будь он дружкой —
Взялся бы за дело:
С невестой целовался бы жених!

А вот и генерал.
Солдаты встали.
Он оглядел гвардейцев:
Храбрецы!
Короткий тост он произнес вначале
И поднял рюмку:
— Пью за вас, бойцы!

И рюмки разом
Подняли солдаты,
Взглянули молча
На друзей своих,
Чуть смущены,
Немножко мешковаты...
Но за кого и пить,
Как не за них!

Встал комиссар:
— Пью за бойцов-киргизов!
Они дерутся, как богатыри!
Уж если им ты,
Немец,
Бросишь вызов,
То лучше сразу пятки наостри!

Народ киргизский
Рядом с русским братом.
Плечо с плечом
Идет десятки лет...
Знакомы вы
С политруком Кубатом?
Вот богатырь,
Каких на свете нет!

Такой —
Не задрожит перед врагами,
Такой —
И сам заставит их дрожать!
Пускай петлять начнут они кругами —
Настигнет:
От него не убежать!

Народ
Острее любой фашистской сабли.
Враги мешают —
Срубит по пути!
А руки у народа не ослабли —
Сильнее рук
На свете не найти!

Я за киргизов пью
Ликер киргизский!
Дары киргизской матери-земли,
Окончив нынче утром путь неблизкий,
Нам девушки-ткачихи привезли.

Сказал с улыбкой генерал Кубату:
— Ответный тост,
Товарищ политрук!..
Кубат поднялся.
Каждому солдату
Он был, как самый близкий брат и друг.

— За все — спасибо!
И добавил звонко:
— Не здесь ли,
В нашей части боевой,
Растили сокола
Из соколенка,
Чтоб он взлетел —
И в путь пустился свой!

Я пью за счастье русского народа,
Который для киргиза —
Друг и брат!
Который —

Рядом с нами год от года! —
И поднял рюмку полную Кубат.

— Вот это яблоко с оттенком алым,
Как будто с теплым отблеском огня,
Росло за дальним горным перевалом —
Айша его растила
Для меня.

Она его растила
Для солдата!
И он срубить не даст фашистам сад,
Где это яблоко росло когда-то.
Клянусь сегодня в этом
Как солдат!

Пусть яблоки едят детишки вволю.
Пока держу в руках я автомат —
Я малышей ограбить не позволю!
Клянусь сегодня в этом
Как солдат!

Отец хотел,
Чтоб рос я с сердцем львиным,
Тепла и ласки
Не жалел юнцу, —
Хочу я быть
Его достойным сыном —
Предательством
Не отплачу отцу!

Всех ребятишек
Молоком единым
Вскормила мать...

Так разве я смолчу? —
Хочу я быть
Ее достойным сыном —
Предательством
Я ей не отплачу!

Сумеет враг назад сыскать тропу ли,
Коль все мы встанем
На его пути?
Нет!
Я не дам врагу уйти от пули!
Домой к себе
Не дам ему уйти!

...Солдаты расходились поздно ночью.
Но теплый свет в душе
Унес любой,
Как будто солнце видели воочью
Они в полночный час
Перед собой.

О, сколько песен было перепето!
Немало каждый добрых слов сказал,
Должны уехать гости до рассвета.
Кубат их провожает на вокзал.

Кубат с Айшой
Забыли все на свете...
Вот-вот и поезд должен подойти.
Помогут ли слова
В минуты эти?
Нет!
Слов таких
Обоим не найти!

Страдают оба.
Чем судьбу умаслишь?
Увидится ли вновь с Айшой Кубат?
Как будто познакомились сейчас лишь
В глаза друг другу
С жадностью глядят.

Быть может,
И не будет встречи новой?
Печально смотрит полная луна.
Всплывая ввысь
Над рощею сосновой,
Горюет вместе с ними и она.

А сосны не шелохнутся,
Угрюмы.
Кубат, Кубат!..
Трудны пути войны!
И кажется,
Что в горестные думы
В прощальный час
Они погружены.

Ну, разве хочешь ты,
Скажи, береза, —
Шепни скорей
На языке своем, —
Чтоб с солнцем навсегда рассталась роза,
Чтоб разлучилась роза с соловьем?

Влюбленным жить бы радостно,
Богато...
На то им и любовь навек дана.
Айша, Айша!

Угаснешь без Кубата, —
Без солнышка не светит и луна!

Нет!
Всё тут, видно,
Против расставанья:
Луна и звезды,
Травы и цветы...
Не разлучат влюбленных расстоянья...
Кубат, Кубат!
С войны придешь ли ты?

А, может,
Знают сосны и березы
Судьбу твою грядущую,
Кубат?
Не будет встречи!..
Будут слезы, слезы...
Не потому ли так они грустят?

...А вот и поезд.
Как скакун ретивый,
Остановился у перрона он,
И делегаты
Кучкою шумливой
Ввалились с шутками в пустой вагон.

Кубат привлек к себе подругу с силой,
Не отрывал он от любимой взгляд.
Быть может,
Больше не увидишь милой?
Гляди, гляди в глаза ее,
Кубат!

Свистит свисток все громче,
Все победней.
Поцеловал любимую солдат.
Быть может,
Этот поцелуй — последний?..
Целуй, целуй
Айшу свою,
Кубат!

Храбрец Кубат!
Сверкнула не слеза ли
В глазах твоих,
Таких счастливых днем?
— Прощай! —
Лишь это слово и сказали,
— Прощай! —
Но сколько боли было в нем!

Айша!
И ты — в слезах.
Скорбишь открыто...
Вагон качнулся,
Дернулся назад.
Внезапно свистнул паровоз сердито,
Как будто говорил:
Слезай, солдат!

Пожав друзьям протянутые руки,
Кубат с подножки прыгнул на перрон.
Ну, вот и пробил,
Пробил миг разлуки!..
Рукой вослед подруге
Машет он.

Айша в ответ ему
Платком махнула.
А, может,
Сердце из груди достав,
Она над головой
Его взметнула..
Прогромыхав,
Пропал в ночи состав.

Девичьи слезы!..
Никакою силой
Их не сдержать подругам
В эти дни.
Домой с победой возвратится милый —
Тогда лишь могут высохнуть они!

Он вспоминал тепло ее запястья,
Он целовал ее опять, опять!
В своих руках
Сейчас держал он счастье,
И вот его Кубату не догнать!..

Лишь миг назад
Играл он прядью темной,
Держал в руках
Ее живую нить,
Но в этот миг тоски,
Как ночь, огромной,
Могла ли их она соединить?

Ее лицо вдали,
Белея,
Скрылось.
Умчался поезд.

А ему, ему
Казалось,
Будто солнце закатилось,
Едва взойдя,
Ушло в ночную тьму.

Глядит он скорбно в сторону заката.
Давно растаял
Паровозный дым...
И первый встречный,
Увидав Кубата,
Наверное,
Скорбел бы вместе с ним.

С собою увезла ты сердце друга.
Айша!
Придет ли он за ним назад?
Вот кончится война —
И жди, подруга, —
Коль будет жив,
Вернется твой Кубат!

Прощайте,
Затемненные вагоны!
Настанет день —
Встречайте храбрецов
И, светом окон озарив перроны,
К любимым отвезите вы бойцов!

В ЭШЕЛОНЕ

Ночь.
Ливень...
Холм,

Похожий на верблюда:
Как будто шел он, шел —
И изнемог,
И рухнул наземь,
Как большая груда,
А вот подняться на ноги — не смог.

А грязь —
Как будто тесто замесили
Во впадине громадной,
Как в квашне.
Опустишь ногу —
Выдержать не в силе...
Ну, что же!
На войне — как на войне!..

На мокром поле выстроилась рота.
Идут вдоль строя Алексей, Кубат.
Опять готовься
В дальний путь,
Пехота!
Подкатит поезд —
Полезай, солдат!

А ночь —
Темнее не дождешься ночи!
Мерцают дула сталью вороной,
И вещмешки,
Как мокнущие кочки,
Торчат у пехотинцев за спиной.

Спрессованы часы
В одной минуте...
Ворчат бойцы:

— Всю ночь отправки ждем!..
Дождинки тяжелы,
Как капли ртути...
Стоят солдаты,
Мокнут под дождем.

Шагнул устало Алексей к Кубату:
— Ну, кажется,
Подходит эшелон...
Команда:
— По вагонам! —
И по скату
Полезла рота первая в вагон.

Не пели трубы,
Круглые, как луны.
Оркестра нет, —
Лишь ливень проливной.
Всю ночь его натянутые струны
Звенели за вагонною стеной.

Вокруг была
Симфония ночная:
То гул моста,
То дальние гудки,
То сонная мелодия речная —
Шумящие под ветром тальники.

Березы за составом вслед бежали,
Верхушками махали:
Не забудь!
Казалось,
Что невесты провожали
Солдат в далекий
И опасный путь.

* *
*

Сверкает солнце.
Духота в вагонах.
Вода —
И та нагрелась в котелке.
Клубится белый дым на перегонах.
И, расплываясь,
Таёт вдалеке.

Полны вагоны
Гомона и смеха.
А если песню грянет дружный хор,
Пойдет греметь
Раскатистое эхо,
Как дальний гром, кататься между гор.

Кружась,
Вокруг плывут цветы и травы,
Высокие стога берут разбег...
Задумчив Алексей,
Он жаждет славы
За шахматной доскою, как стратег.

С утра играет в шахматы с Кубатом,
Противнику отрезав все пути,
Приказывает пешкам,
Как солдатам,
Скорее в наступление идти.

Маневр —
И конь врезается в пехоту.
Сразил слона —
И прыгает опять.

Ладье Кубата —
Вражескому догу,
Пожалуй, перед ним не устоять.

Кругом —
Как павшие солдаты —
Пешки.
Лежат,
Из боя выйдя,
У доски.
Воюют —
Без улыбки, без усмешки, —
Как два отъявленных врага,
Дружки.

Вдруг — почтальон.
Он взмок,
Устал от зноя.
Письмо Кубату молча протянул.
И тот —
Стратег покинул поле боя! —
На доску больше даже не взглянул.

Знакомый почерк:
«Дорогой Кубат!
Я ждал тебя —
Ты не пришел назад.
Случается на фронте и такое...
Теперь в пехоту угодил ты,
Брат!

Я слышал:
Ты сражаешься,
Как лев.

Бегут враги,
От страха обомлев.
Твои слова я не забыл донине:
Дерусь с врагом —
И не проходит гнев!

Стреляю ли —
Во фрица попаду,
Колю ли —
Продырявлю на ходу,
Рублю ли —
Не уйдет фашист от сабли,
Не отведет он от себя беду.

Всегда ты был неустрашимо смел,
Ты саблею врага разить умел.
Теперь ты —
Словно снайпер с автоматом:
Погибнет фриц,
Попавший на прицел.

Ты помнишь Толегена,
Друг Кубат?
Лежим мы рядом в госпитале,
Брат.
Он руку потерял тогда в разведке,
Храбрец,
Каких враги не устрашат.

Он был рожден в роду богатырей.
В горах киргизских много матерей,
Которые и сами —
Богатырши, —

Но мы из пулеметов резанули —
И сразу остудили
Вражий пыл.

Попадали враги у наших ног,
Поскрючивались,
Будто бы «туйнёк»*
Их поразил в чужом краю внезапно.
Кто уцелел —
Пустился наутек.

Враг огрызнулся —
Черт его возьми! —
И сам я ранен был местах в семи.
В крови,
Как в теплой луже искупавшись,
Едва не лег я в том бою костьми.

С тех пор лежу и думаю о том,
Что не успел
Разделаться с врагом —
Перестрелял фашистов слишком мало,
Как воронов,
Парящих над гуртом.

Но руки,
Ноги у меня целы.
Пусть эти дни безделья тяжелы,
Но завтра я опять солдатом стану.
Вернусь к вам в эскадрон,
Мои орлы!

Ну вот и все...
Осилю свой недуг!

* Желудочное заболевание ягнят.

Скорее отвечай,
Коль есть досуг.
Надеюсь,
Обо мне не забываешь...
Ну, будь здоров же!
До свиданья, друг!»

* *
*

И показалось в этот миг Кубату,
Что перед ним
Предстал Аркадий сам.
Длинна шинель веселому солдату,
Хоть он высок
И по-солдатски прям.

Открытый взгляд младенчески-прозрачен.
Потряхивая,
Руку крепко жмет.
Счастливым ликованием охвачен,
Обнимет друга —
И опять в поход.

Вот снова рубит он врага в азарте!
А вот вернулся с эскадроном —
И остыл.
Сидит в землянке ночью
И по карте
Прокладывает путь
Во вражий тыл.

Кубат взволнован:
Видел друга снова!

Предстал сейчас Аркадий,
Как живой.
В ушах звучало
Дружеское слово...
Он жив,
Его товарищ боевой!

С десятком фраз на маленьком листочке,
Но к ним он возвращался без конца.
О, как красноречивы
Эти строчки!
Письмо от друга —
Праздник для бойца!

ЗА РОДИНУ

Храбрый джигит
В юрте рождается,
В битве умирает.

Народная поговорка

Дивизия —
В степях калмыцких ныне.
Как птица ловчая —
Быстра, легка...
Сверкает солнце в поднебесной сини.
Лениво проплывают облака.

Кругом пески.
И нет воды ни капли.
Лишь снежных гор вдали видна гряда,
Устал боец,
От жажды он ослаб ли? —
Глядит туда.
Ведь там — вода, вода!

Жара...
Насквозь промокли гимнастерки...
Ни кустика.
Кругом пески одни.
Сейчас присесть бы,
Покурить махорки
Да отдохнуть бы чуточку в тени.

Нельзя!
Спешит дивизия к Моздоку.
Шагают рядом Алексей, Кубат.
Глодают пыль.
Успеть, успеть бы к сроку!
Устали все...
Вперед, вперед, солдат!

Струится пот,
Сбегающий ручьями...
Глоток воды бы в воспаленный рот...
Сто верст уже осталось за плечами.
А сколько всех их?
Но вперед, вперед!

Голодный край...
Тут птица
Не гнездится.
Не слышно даже карканья ворон —
Здесь и воронам нечем прокормиться.
И только немцев
Жди со всех сторон.

Да вот взгляни:
Над головами прямо
Их самолет с раздвоенным хвостом,

Проносится
Грохочущая «рама»,
Заходит сверху
В вираже крутом.

Безмерный гнев,
В сердцах солдатских зрея,
Вот-вот перехлестнется через край,
Кубат воскликнул:
— Федор!
Поскорее
Ружье противотанковое дай!

Как маленькая длинная зенитка,
Поставлено ружье
Меж двух опор.
Огонь! Огонь!
Удачная попытка:
У самолета запылал мотор.

Через крыло перевернулась «рама»,
Горящим носом врезалась в песок
И зачатила,
Словно груда хлама, —
Багровый дым пополз наискосок.

Подбит наглец —
Ну, что тут, в самом деле?
Такое ли видали на войне!
Солдаты шли —
И даже не глядели
На самолет,
Пылавший в стороне.

Бойцы примолкли:
Немцы где-то рядом.
На карту Алексей взглянул опять.
— Оружье — к бою! —
Приказал солдатам.
— Но помнить:
Без команды не стрелять!

И вдруг —
Как будто просо сыпанули.
Алфатово!
Засел в окопах враг...
Фонтанчики разбрызгивали пули.
Вот кто-то в землю ткнулся —
И обмяк.

— Ложись!
Рассыпья цепью! —
И солдаты
В бурьяне торопливо поползли.
Не умолкали вражьи автоматы —
Ни встать,
Ни оторваться от земли.

Бьет пулемет.
Прижал к низинке роту.
Гвардейцы продвигаются ползком.
Вперед!
Заткнуть бы глотку пулемету!
Вперед!
Забить бы рот ему песком!

И вот — сошлись.
Лицом к лицу столкнулись.

Вот-вот начнется рукопашный бой,
Встал Алексей:
— Ура! —
И, чуть сутулясь,
Бегом повел он роту за собой.

Вблизи мундиры пыльные мелькнули.
Не устояли,
Дрогнули враги.
Бегут они...
Но убеги от пули!
Попробуй-ка от смерти убеги!

И вдруг — заминка.
Громкий крик Кубата:
— Мою команду слушать! —
И в ответ
На миг короткий
Дрогнули солдаты:
Как видно, командира больше нет!

Но не убит он.
Только ранен в схватке.
Пробита грудь —
Командовать ему ль?
И санитар,
Ползком,
На плащпалатке,
Вывозит командира из-под пуль.

Вперед бойцы рванулись с новым пылом,
Все дальше в степь
Откатывался враг.
Не устоять

«Превосходящим силам»,
Не выдержать им
Яростных атак!

Приказ:
Занять соседнюю высоту,
Она —
Как ключ,
Потерянный в песках.
Займешь ее —
Возьмешь врага за глотку:
Все тайны вражьи у тебя в руках!

И вот
Оседлана высота эта.
Запыхавшись,
На холм взбежал Кубат.
Вот здесь,
В песке оранжевого цвета,
Зарыт к победе ключ...
Он твой, солдат!

А там,
Вдали —
Крутой скалистый берег,
В сиреновом заоблачье Кавказ.
Призывно погромыхивает Терек...
Солдаты!
Он зовет на помощь вас!

— Отрыть окопы! —
Был приказ Кубата,
— Поглубже! —
Нужно выдержать обстрел...

И красноватый верх крутого ската
Землею свежевзрытой запестрел.

Бойцы копали —
Пыль столбом стояла.
Казалось,
Рота срочно строит дом,
Как будто целый век ей предстояло
Прожить —
Семьей солдатской всею —
В нем.

А вот и танки —
Как овечье стадо,
Которое по склону разбрелось.
Ползут к холму...
Короткий свист снаряда,
Разрыв —
И низкий бруствер срезан вкось.

Заухали,
Обрушиваясь,
Мины,
Расплескивая землю в стороне,
Как будто посреди степной равнины
Кастрюля закипела на огне.

Полсотни танков роту окружили,
Рванулись —
И сражение началось.
Повисло солнце,
Рыжее от пыли,
Осколками пробитое насквозь.

Стоят солдаты —
И назад ни шагу!
Скорей бы наши пушки подошли!..
Снаряды разодрали б,
Как бумагу,
Броню врага,
Рычащую вдали!..

Что рота без дивизии?
Мальчишка,
Которого покинул старший брат.
Враги насели —
И набита шишка...
Тут маленькой подмоге будешь рад!

Застряли пушки где-то в эшелоне..
Кубат к ружейной прорези приник.
Уже дымится
Вражий танк на склоне,
Крутясь на месте,
Как ослепший бык.

Вот Арзымат.
Он выполз из траншеи.
Метнул бутылку танку прямо в лоб,
Полезли в щели огненные змеи...
Но не вернулся и смельчак в окоп.

Упал солдат,
Рванув рукою ворот.
На помощь другу кинулся Иван.
Упал и он.
Горячий воздух вспорот,

Песчаный холм дымится,
Как вулкан.

За танками —
Немецкая пехота.
Прикрытая броней,
Спешит вперед...
Стреляет Федор.
Взмок сержант от пота.
Без промаха из автомата бьет.

Солдат огнем от танков отсекая,
Как куропаток,
Бьют бойцы врага.
Страшит фашистов
Тактика такая, —
Бегут обратно:
Жизнь-то дорога.

Не вырваться фашистам из капкана!
Вон немец растянулся,
Как уснул.
Сжал крепко зубы Федор:
— За Ивана! —
И очередь длинной полоснул.

Пополз по склону.
А в руках — граната.
Привстал.
Под вражий танк ее метнул,
Взметнулось пламя вверх...
— За Арзымата! —
Еще одну гранату саданул.

Так зверолов выходит на медведя...
Но словно кто-то вдруг толкнул его —
Запнулся Федор,
Ткнулся в землю Федя, —
Не видит и не слышит ничего...

Раскинул руки,
Землю обнимая,
Как будто не хотел врагу отдать,
И всю ее —
От края и до края —
В предсмертный миг
Спешил обнять,
Как мать.

Крутился танк над пыльной дорогой,
Огромный,
Неуклюжий,
Как медведь,
Пропоротый охотничьей острогой,
От ужаса готовый зареветь.

Погиб батыр,
Не кланявшийся в ноги
Врагам заклятым края своего.
Но в сотню раз
Сильней любой остроги
Граната богатырская его!

Попробуй одолеть
Стальную крепость!
Ее острогой,
Пикой не проткнешь!
А чем ты усмиришь ее свирепость?

Тут не помогут
Ни топор, ни нож!

Тут и храбрец
Попытится со страхом,
Когда вперед
Громада эта прет.
А Федор поразил единым взмахом
Стальную крепость,
Гусеничный дот.

Снаряды разрывались то и дело.
Тяжелым дымом высь заволокло,
Казалось,
Солнце на землю глядело
Сквозь густо закопченное стекло.

Тяжелый скрежет.
Резкий лязг металла.
Разрывы мин на бруствере крутом.
Сухая степь
Людскую кровь глотала
Иссохшим,
Ненасытно-жадным ртом.

Людей давили танки с разворота,
Рыча,
Вперед рвались наперебой.
Не растерялась,
Выстояла рота, —
Героем стал в бою солдат любой.

Траву —
И ту осколки покосили.

Огонь в окопы заползал ужом,
Казалось,
Люди выдержать не в силе,
Валясь,
Как тальник,
Срезанный ножом.

Ползли бойцы сквозь огненные вспышки,
Стреляли из-за каждого куста,
Палили по врагу
Без передышки, —
Стояла,
Не сдаваясь,
Высота.

Уж если погибал солдат от пули,
Десяток немцев забирал с собой.
Столкнулась сталь со сталью —
В лязге, в гуле.
С людьми столкнулись люди,
Выйдя в бой.

Вокруг чадили танки,
Догорая.
Чернели,
Как могильные холмы.
Земля,
От крови ржавая, сырая,
Дрожала среди дымной полутьмы.

Дрались бойцы,
Измученные жаждой.
Был каждый и смекалист, и толков.

Они обороняли кустик каждый, —
Так стадо защищают от волков.

Так прикрывал солдат
Высотку эту —
Своей Отчизны крохотную пядь, —
Как будто ничего дороже нету...
Так бережет дитя от смерти мать.

Глядел он,
Умирая,
В эти дали, —
Так лишь в глаза любимые глядят...
Отчизна-мать!
То не в твои глаза ли
Глядел
В минуту смертную
Солдат?

— За Родину! —
Гремели автоматы.
Вставал перед врагами столб огня.
— За Родину! —
Летели в цель гранаты.
И вспыхивала дымная броня.

— Эй, рус! Иван!
Сдаваться не пора ли? —
Лишь автоматов трескотня в ответ.
— Сдавайся, рус! —
Эсэсовцы орали.
В ответ — огонь.
Сдаваться?
Нет и нет!

Уж лучше смерть,
Чем плен,
Чем жизнь в неволе!
Обнявши землю,
Падали бойцы.
На дне окопов корчились от боли,
Но не сдавались немцам храбрецы.

Уж лучше быть в родной земле зарытым,
Чем на чужой земле
В неволе жить!..
Лежал боец —
С лицом простым, открытым, —
Погиб в бою.
О чем же тут тужить?

Что в мире горше горькой соли смерти?
Но и она
Для воина сладка,
Когда враги,
Осатанев, как черти:
— Сдавайся в плен! —
Кричат издалека.

Высотки не отдав,
Погибла рота.
В живых остался лишь один Кубат.
Израненный,
Лицо в потеках пота, —
Он с вражьих танков не спускает взгляд.

На жарком солнце раскалилась каска,
Ползет враг —
Навеки успокой!

На поясе —
Гранат тяжелых связка.
Гранаты —
У Кубата под рукой.

К окопу подползает танк рычащий.
Как длинный хобот —
Пушка впереди.
Бежит в окоп песок —
Сухой, шуршащий...
Давай! Давай!
Поближе подойди!

Как быстро в голове мелькают мысли!
Солдатами встают в единый строй.
Вот гроздь люстр на голове повисли —
Москва,
Метро,
Людской кипящий рой...

А вот он сам с красавицей Айшою...
Прекрасна юность,
Как цветы лугов!
Любовью переполнен он большою,
А рядом —
Ни войны и ни врагов.

Красавец Фрунзе.
Заводские трубы.
В просторном небе —
Розовый дымок.
И вновь — Айша.
Застенчивые губы...
Он перед ними устоять не мог!

Вот Арстанбап,
Сады Джалал-Абада...
В цвету,
Как в пене розовой,
Джида.
Свист соловья доносится из сада.
В рассветный час Айша спешит туда.

Тоскуя,
В сердце спрятала тревогу.
Шумит над нею лиственный навес...
Глядит она украдкой на дорогу —
Звезда Чолпон,
Сошедшая с небес.

О, как она ему желает славы!
И в битве — с ним:
Вперед, Кубат, вперед!..
А сдайся он
Врагам ее державы —
Она от горя в тот же миг умрет!

И кажется,
Что, на высотке стоя,
Айша следит за ним,
Потрясена.
Она —
Единственный свидетель боя.
Свидетель подвига его —
Она.

И здесь они,
Как прежде,
Были вместе.

Сражались рядом,
Подвиг свой верша...
— Прощай! —
Сказал Кубат своей невесте.
— Прощай, Кубат! —
Ответила Айша.

— Прощай! —
Сказал он всем своим дорогам.
— Прощай! —
Сказал своей земле родной.
— Прощай! —
Сказал предгорьям и отрогам,
Где он бродил когда-то в летний зной.

Он вновь стоял над тесною протокой,
Вдыхая жадно влажную пыльцу...
— Прощай! —
Сказал он матери далекой.
— Прощай! —
Сказал он старому отцу.

— Прощай! —
Сказал он своему народу.
— Прощай! —
Сказал дивизии своей —
Громи врага,
Отбрось фашистов с ходу,
Патронов и снарядов не жалей!

Чтоб не топтали немцы степь Моздока,
Чтоб не осталось тут от них следа!
Ударь по ним,
Дивизия,

С востока!
Не скрыться,
Не уйти им никуда!

Как дорога ему
Высотка эта!
Нет!
Не отдаст ее врагу Кубат!
Тут —
Центр земли,
Сосредоточье света...
И мертвый не отступит он назад!

Еще дымятся выжженные скаты,
Чадит вокруг обугленный металл.
Кубат собрал последние гранаты
И к поясу их крепко подвязал.

Он подтянулся на руках упруго,
На бруствер выполз.
Враг не ждет атак...
Ползет —
Стучат гранаты друг о друга...
Вскочил Кубат —
И бросился под танк.

Рвануло.
Дымом все кругом затмило.
Спешит огонь в закрытый люк вползти,
Огромный танк —
Как черная могила.
О, если бы фашизм в ней погрести!

И в этот миг с востока,
Словно эхо,
Донесся близкий громовой раскат,
Теперь и вражьи танки —
Не помеха:
Дивизия спешит к тебе,
Кубат!

Заговорили, наконец-то, пушки!
Перемешались небо и земля,
Казалось,
Даже дальних гор верхушки
Столкнулись,
Снегом взрыхленным пыля.

Бежит назад фашистская пехота:
Артиллеристы не щадят врага.
Вся степь —
Как ток во время обмолота.
Пылают вражьи танки,
Как стога.

Кругом броня пылает,
Как солома.
Удар —
И сталь сгибается в дугу.
Огонь,
Гудя,
Змеится вдоль излома...
Нет!
От возмездья не уйти врагу!

Фашистам больше не видать поживы!
Им отступить на запад,

На закат,
Пока на свете наши люди живы,
Богатыри такие, как Кубат!

Клубятся в отблесках багровых тучки,
В огне—
Степные взгорья и лога.
Как когти,
Придорожные колючки
Впиваются и в мертвого врага.

Могучее «ура» прогрохотало.
Казалось,
Вдруг обрушилась в пески
Гора из раскаленного металла —
Вперед —
В атаку! —
Ринулись стрелки.

Нет!
Не топтать теперь врагу высотку!
Нет!
Не гулять ему в чужом краю!
Дивизия взяла врага за глотку —
Среди песков ползущую змею.

Вот здесь,
Где дымно догорают танки,
Где вражьи трупы скорчились в пыли,
Погиб Кубат.
Бойцы его останки
Из-под стальной громады извлекли...

...Пой соловей,
О гневе и упорстве!
Пой, соловей,
О доблести бойца!
Он победил врага
В единоборстве.
Как коммунист,
Стоял он до конца!

Пой, соловей!
Как верный сын народа,
С друзьями шел Кубат одной тропей.
Греми,
Певец,
Над речкой в час восхода!
Пой, соловей!
Песнь о Кубате пой!

Кундузкан

два затеплится восход,
Едва петух вдали споет.
— Пор-ра!
Пор-ра и на рабо-оту! —
А Кундузкан уже встает.

Как звезды, светятся глаза.
Сама —
Как тонкая лоза,
Потягиваясь,
Изогнется,
С кровати спрыгнет, как коза.

Один лишь хлопок на уме!..
Натянет платье в полутьме,
Напьется чаю,
Обжигаясь,
И вот уж —
В поле, на холме,

Коснулся теплый ветер щек,
Видать, страшась,

Чтоб паренек,
Влюбленный в девушку такую,
Опередить его не мог.

Лопочут тополи листвою.
Постой,
Красавица,
Постой! —
И им тебя обнять охота,
Пока не встал любимый твой.

А дали все светлей,
Светлей...
Спешит она —
И ширь полей,
В полотнищах молочно-белых,
Распахнута навстречу ей.

Как будто плыли облака
И, утомленные слегка,
В долину мягко опустились:
Мол, отдохнем-ка здесь пока!

Сверкают снежной белизной...
А Кундузкан,
Как луч дневной,
Скользнула в них —
И озарила
Все поле,
Весь простор земной.

Движенья девушки легки,
И, кажется,
Что в две руки

Она играет на комузе...
Настали страдные деньки.

Качаясь,
Белый куст встает.
Видать, заждался он, —
И вот
Он так и тянется навстречу,
К рукам девичьим так и льнет.

Хлопчатник этой встрече рад.
Как пышен,
Бел его наряд!
Коробочки раскрыл он щедро —
Бери со всех кустов подряд!

На пальцы девушки взгляни:
Быть может,
С крыльями они?
С куста на куст они порхают,
Одним лишь птицам и сродни.

Коснулась сборщица куста —
И вмиг коробочка пуста:
Весь хлопок выдернула сразу, —
Вот так проворство, быстрота!..

Она работает,
Не ждет,
Пока в долину день придет.
Сама пораньше прибегает,
Едва зардеет небосвод.

Порхают две руки с утра
И каждая —
Легка, быстра.
Они,
Как бабочки большие,
Которых увлекла игра.

А листьям лень и лепетать...
Земля спешит росу впитать:
Вот разгорится солнце в небе —
И жаждою томись опять.

Редет утренний туман...
Склонилась низко Кундузкан,
Кусты умело обирает, —
Проворны руки,
Гибок стан.

Румянец на щеках горит,
И хлопок словно говорит:
— Не уходи!..
Побудь со мною!..
И самый пышный куст дарит.

Пустынен ближний горный склон,
Подернут синей дымкой он.
Лишь хлопок руки ей целует,
Видать,
Давно в нее влюблен.

Косички длинные черны,
Спадают на две стороны.
Два полумесяца крылатых —
Девичьи брови озорны,

Вот солнышко спешит взойти:
— И мне с тобою по пути:
Светить я людям буду в небе,
А ты им на земле свети!..

Набила фартук до полна
И хлопок ссыпала она.
И только тут лишь огляделась:
Ох, спят подружки допоздна!..

Невдалеке ручей журчал,
Да сонный шмель в траве ворчал,
Да ветерок гулял по полю,
Головки белые качал.

Взглянул —
И ахнул бы любой:
А хлопок ли перед тобой?
Таких и облаков-то нету
В выси прозрачно-голубой!

А, может,
Это свет дневной
Спрессован в чашечке резной!
Сгустился он —
Родился хлопок,
Слепящий снежной белизной.

Курганы хлопка там и тут,
И все они растут,
Растут...
О хлопке пой,
Поэт,
О хлопке!
О нем и сборщицы поют,

Кундуз!
Тебя не обогнать!
Вот хлопок ссыпала опять...
Иному хлопкоробу за день
Подобной груды не собрать.

И вновь наполнен фартук твой.
О хлопок,
Хлопок зоревой!..
Быть может,
Сам он в твой передник
Запрыгивает,
Как живой?

И встанет белая гора,
Пока подружки,
Как вчера,
Придут на поле с запозданием...
А быть им здесь давно пора!

На груды хлопка бросят взгляд.
Глаза безмолвно округлят:
Ого!
Когда она успела!
Зашепчут,
Изливая яд:

— Знать, до зари сюда пришла!
Смотрите,
Сколько собрала!
Ох, ненасытная какая!..
А скромницею прослыла!

— Работа —
Для отвода глаз!..
Хитра!..
Но не обманет нас!
С Сыргаком,
Сыном Урмамбека,
Целуется тут каждый раз.

— Встречалась —
Видно по глазам!..
Подруг не слышит Кундузкан:
Опять в мечтах ее девичьих
Встает он перед нею сам.

А ночь —
Свидетель этих встреч —
Умеет тайну их беречь,
Их шепот слышал только ветер
Касался он девичьих плеч.

Да видел хлопок лишь один,
Как тут,
Скользя среди равнин,
Домой на зорьке возвращался
Счастливый Урмамбеков сын.

Он целовал ее в уста...
Но Кундузкан была чиста
И не могли ее запачкать
Ни чья-то ложь,
Ни клевета.

Не замечала сплетен злых...
Клеветники?

Чуждалась их,
Вот Кундузкан была какая!..
Трудилась в поле за троих.

Мила она тебе,
Джигит?
Влюбленный встречи не проспит!
Вставай на зорьке с нею вместе,
А в поле путь для всех открыт.

Да только вряд ли кто-нибудь
Ей мог бы сердце всколыхнуть —
Сыргак владел им безраздельно.
Один Сыргак!
И в этом — суть.

II

Едва лишь солнышко зайдет,
Как выйдет табельщик вперед,
В тетрадь раскрытую заглянет,
И каждый,
Слушая,
Замрет.

— Кто будет назван —
Выходи
Да становись-ка впереди!
Запишешь,
Сколько сделал за день,
Да не запутайся, гляди...

Хорошая,
Джигиты,

Весть
Для каждого сегодня есть:
Кундуз и нынче отличилась!
И табельщик спешит прочесть:

— Полтонны хлопка собрала!
До зорьки на поле пришла,
Десяток городских работниц
Она одна обогнала.

Не спали женщины в тени:
Уж коль запрягся,
Так тяни!..
А на полсотни килограммов
Отстали от нее они!

И сразу —
Крики, громкий смех:
Теперь и пошутить не грех!
Видать,
Одних лентяев только
Не радуется успех:

— Коль заяц угодит в силки,
Погибнет он от злой руки,
Джигит погибнет,
Честь утратив.
Обиды наши велики!

Учить девчонка хочет нас!
Работает, как напоказ!..
А мы за ней должны тянуться —
Живьем загонит в гроб как раз!

Она —
Как вишенка спела!
Какие ей до нас дела?
Зачем нам с ней соревноваться?
Спешить?
Нужда бы в том была!..

К чему соперниками быть?
Нужна тут жеребьячья прыть! —
Так говорил джигит высокий,
Не в силах раздраженья скрыть.

И тут же девушка одна
Добавила,
Разозлена:
— Наверно, табельщик плутует!
Как все, работает она!..

А Кундузкан молчит, проста.
К чему тут спорить?
Клевета!
К себе домой путем привычным
Спешит с улыбкою у рта.

III

В тревоге дверь открыла мать:
— Лепешки ты забыла взять!
Чуть свет из дома убежала...
Весь день голодная опять!

Ворча,
Сайкал толкует с ней...
Кто в мире матери родней?

Как будто дочки не видала
Не меньше девяноста дней.

— Ты посмотри-ка:
Чуть жива!
Спешишь,
Поешь едва-едва...
Ох, дочка!..
Кроме слова «хлопок»,
Ты позабыла все слова!

Уж ты смотри не заболей!
Придешь усталая с полей —
И снова
Убежать готова,
Хоть мать-то, дочка пожалей!

Зачем ты заставляешь мать
Из-за тебя переживать?
Пужинай-ка поскорее,
Попей кумыса —
Да в кровать!..

Сайкал заботлива,
Добра,
На ласку,
На любовь щедра.
Заговорит —
Не остановишь,
Проговорит хоть до утра.

— Ты каждый день встаешь чуть свет,
И все тебе покоя нет!..
Для вас еду готовят в поле, —
Не забываешь про обед?

Старательна —
Ведь ты и тут
Жалеешь десяти минут,
Готова быть хоть без обеда...
Но так ведь долго не живут!

Скажи,
Ну если ты сыта,
Откуда эта чернота,
Круги такие под глазами?
Нет,
Видно, это неспроста!..

— Ну, мама,
Я не голодна!..
Считаешь так лишь ты одна.
Налей-ка лучше мне кумыса —
Всю чашку выпью я до дна...

Сайкал вздохнула и ушла...
Вернулась,
Встала у стола.
Как видно,
Про кумыс забыла,
Конверт измятый подала.

Письмо!
И, покраснев слегка, —
Должно быть, радость велика, —
Кундуз конверт взяла,
Волнуясь...
Сыргак!
Его, его рука!..

— Кто пишет, дочка? —
Был вопрос.
— Скажи,
А кто письмо принес? —
— Чернявая Кумара утром! —
Коснулась мать ее волос.

— Я не успела рта раскрыть —
Умчалась мигом!..
Ну и прыть!
Я ни о чем не расспросила,
А надо было расспросить!..

Кто пишет?
Ну, ответь же, дочь!
Иль мать помучить ты не прочь?
— Ах, мама,
Ты читать мешаешь!..
Ну, слушай,
Если ждать невмочь!..

«Прочти, Кундуз,
И дай ответ.
Мне без любимой счастья нет.
Смолчишь —
Считай меня погибшим, —
Немилым станет белый свет!

Ты, Кундузкан, —
Мечта моя!..
Речная светлая струя!..
Река,
По берегам которой
Брожу в тоске, в тревоге я.

Кундуз!
Ты — солнышко моё.
Войдешь —
И озаришь жильё.
Уйдешь —
И все вокруг померкнет...
Нет!..
Без тебя мне не житье!

Кундуз!
Прошу руки твоей!
Кундуз!
Ответь мне поскорей!
Не заставляй страдать напрасно —
Хоть весточкой меня согрей!..»

Кундуз умолкла.
До конца
Не дочитала письмаца.
— О звездочка моя родная!
Скажи мне имя молодца!

Ждала я этого как раз!
Ты не пошлешь ему отказ?
— Ах, мама!..
Тут проделка чья-то!..
Шутник разыгрывает нас!

— Аллах мой!..
Это твой Сыргак!..
Ну, кто еще напишет так?
Подумай,
Доченька,
Подумай!..
Письмо такое — не пустяк!

Он парень честный и прямой.
Он нравится и мне самой..
Садись,
Пиши ответ сейчас же!..
Зови его к себе домой!

Сама я с ним поговорю,
Хорош ли, плох ли —
Посмотрю..
(Кундуз,
Краснея,
Улыбнулась),
— Глядишь — и свадьба к ноябрю!

Нет, мать старается не зря:
Зарделась дочка, как заря,
Глаза смущенно опустила.
Прильнула к матери, горя.

— Ну что ты, мама!
Погоди!..
На дочку лучше погляди:
Иль старой девой я останусь?
Вся жизнь,
Все счастье впереди!

Ну, дай подумать,
Не спеши..
А вдруг писал не от души?
— Ах, дочка!
Я Сыргаку верю!..
Скорей садись,
Ответ пиши!..

— Нельзя же делать так, поверь!..
Что будет думать он теперь?
Лишь о любви он заикнулся —
И сразу нараспашку двери!..

А я ведь —
Словно тень твоя:
Мне нету без тебя житья!..
Нет, нет!
Тебя я не покину, —
Лишь ты одна —
Моя семья!

Иль ты мне больше и не мать?
Зачем спешишь меня прогнать?
Зачем со мной расстаться хочешь?
Родную дочь не хочешь знать?..

Приникла к матери она,
В глаза взглянула ей, нежна,
С любовью обняла за шею:
— Мне только ты одна нужна!..

IV

Стоял ноябрь...
Багровый луч
Скользнул лениво из-за туч.
Смеркалось.
Ветерок прохладный
Подул в долину с горных круч.

Но сердцу девушки тепло...
О, только счастье бы пришло!..

Туманны утренние зори,
А дни прозрачны, как стекло.

Осенний воздух свеж на вкус..
Не ради ли тебя,
Кундуз,
Увянуть не спешит природа?
Как видно,
Прочен ваш союз!..

А хлопок ждет умелых рук,
И дело спорится вокруг:
Приступят сборщики к работе —
И пот смахнуть им недосуг.

Кундуз на поле —
Как цветок:
Алеет ситцевый платок,
От ветра разгорелись щеки...
Ну, кто бы с ней сравняться мог?

Обогнала подруг своих,
Работает за четверых.
Ни волоконца не оставит
Она в коробочках пустых.

Вот распрямилась, как лоза,
Сверкнули черные глаза.
Летит в передник хлопок белый...
Нет, обогнать ее нельзя!

Вдруг громкий голос позади:
— А дело-то идет, гляди!..
Кундуз в смятенье оглянулась —
И сердце замерло в груди.

Сыргак!..
Примчался на коне,
Гарцует лихо в стороне.
— Ну, бог вам в помощь! —
Усмехнулся,
Звеня уздечкой в тишине.

Примолкли девушки вокруг.
Потом заговорили вдруг,
Нашлась работа языкастым:
— Эй, Кундузкан!
Сыргак — твой друг!

Скорей к джигиту подойди
Да на землю его ссади!
Сыргак!
И ты скучал в разлуке —
Прижми любимую к груди!

Лишь рассмеялся он в ответ:
— Ну что ж!
Спасибо за совет! —
И к Кундузкан джигит подъехал,
А девушки глядели вслед.

Ах, до чего же он хорош!
Посмотрит —
Так и бросит в дрожь!..
Глазами парня поедали:
За ним на край земли пойдешь!..

Таков уж,
Юность,
Твой удел:

Любовь важнее прочих дел!..
Тянулись девушки к Сыргаку,
А он на них и не глядел.

Лишь на Кундуз смотрел джигит:
Скромна,
Застенчива на вид.
Немало девушек красивых,
Но кто из них ее затмит?

Вся так и светится,
Ясна.
Не солнцу ли сестра она?
А, может быть,
Луне сестрица?
Нет!
Меркнет перед ней луна!
К невесте подскакал джигит.
— Ну что же, здравствуй! —
Говорит.
— Работают у вас с прохладцей, —
Со стороны посмотришь —
Стыд!

А мы вот кончили как раз,
И отдых наступил для нас.
Одна лишь паутина в поле
Белеет на кустах сейчас.

— Ой, не хвались! —
Смешок в ответ.
У вас — машины!
Здесь их нет!

Руками хлопок собираем...
Тебя бы к нам сюда, сосед!

А может быть,
У тех вершин
Весь хлопок ты собрал один?
А трудодни раздал бригаде —
Батыр среди других мужчин?

Всех обскакал ты,
Как рысак!
Смотри,
Не попади впросак!
Хватает здесь у нас насмешниц —
Не засмеяли бы,
Сыргак!

Вот хлопок соберем —
Тогда
И поразвлечься не беда...
Но я на курсы собираюсь —
И девушки пойдут туда.

Учиться я,
Сыргак,
Хочу!
Как ты, машину изучу!
Увидишь:
Обогнать соседей —
Бригаде нашей по плечу!

Вернемся с курсов всей гурьбой —
Посоревнуемся с тобой,
Мы тоже сядем на машины...

Согласен?
Принимаешь бой?

Не мог и слов найти Сыргак —
Видать, и впрямь попал впросак!
То хмурился,
То улыбался,
Но, ободрившись,
Молвил так:

— Решила правильно! —
Ну что ж!..
Твой план, по-моему, хорош!
Поедешь ты зимой учиться,
Ну, а меня с собой возьмешь?

Я за тобою полечу!
Я стать механиком хочу.
Сломается твоя машина —
Приду
И тут же полечу.

Одна у нас мечта и цель.
Ты — веретенце,
Я — кудель:
Как тень,
Повсюду за тобою
Пойду за тридевять земель!

А сердцем я с тобой давно —
К тебе оно устремлено.
Пускай два сердца бьются рядом,
Пускай сливаются в одно!

Ты веришь мне?
А если нет —
Не спрячешь сердце под запрет:
Прильни к груди моей,
Послушай,
О чем кричит тебе в ответ...
Набравшись смелости, джигит,
Нагнулся к милой,
Говорит:
— Кундуз!
Когда же наша свадьба?
Но девушка в ответ молчит.

Лишь застучало сердце вдруг
Да белый куст уплыл из рук.
А парень в ожиданье замер —
И свет в глазах померк вокруг.

Но вот,
Подняв смятенный взор,
Взглянула на него в упор, —
И снова солнце просияло
И посветлели гребни гор:
— Ну, будь по-твоему!..
И тот
Вот-вот от счастья запоет.
Нет!
Лучшей сборщицы не сыщешь
В краю,
Где солнышко встает!..
Прошло полмесяца...
И вот
Уж свадьбу отгулял народ.
Казалось,

Что весна блеснула
Сквозь хмарь осенних непогод.

Речистый,
Сладкий, как хурма,
Вручил подарки башкарма:
Кундуз — браслет,
Часы — Сыргаку:
— Да одарит вас жизнь сама!

Две шубы принесли друзья —
Вот и одета вся семья!
Пускай теперь зима приходит!..
Эх, жаль —
На свадьбе не был я!..

Дарам богатым нет конца.
Никто не жалует скупца!
Но самый главный дар влюбленным —
Соединились их сердца!..

Вздыхал пузатый самовар,
Посвистывал,
Пуская пар.
На крупных гроздьях винограда,
Алея,
Теплился загар.

Мускат искрился и сверкал..
Как счастлива была Сайкал!
За счастье дочки поднимала
Наполненный вином бокал.
Эх, жалко там я не бывал,

На свадьбе той не пировал!
А с девушками поплясал бы —
И сам бы
Юношею стал..

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

	Перевод	<i>С. Сомовой</i>	Стр.
Чинара.			5
Пришла красавица весна...	«	«	6
Памирская дорога.	«	«	7
Танцовщица.	«	«	9
Не настигла беда...	«	«	11
Ветер.	«	«	12
Весенние струны.	«	«	13
Дума о Ленине.	«	«	14
Родник.	«	«	16
Моей партии.	«	«	18
Моя газета.	«	«	20
Мое торжество.	«	«	22
В горном краю весна.	«	«	23
Белый сокол.	«	«	25
Чинара мира.	«	«	26
Туркменский ковер.	«	«	28
Воспоминание о Пекине.	«	«	30
Қара-Кум.	«	«	32
Китайские девушки.	«	«	33
Чудо Китая.	«	«	35
Подарок поэта.	«	«	37
Туркменскому другу.	«	«	39
Если б мне луну достать...	«	«	40
Как слиток желтого золота...	«	«	41
Утренняя звезда.	«	«	42
Соловей мой.	«	«	43
Солнцеглазая моя...	«	«	44
Бабье лето.	«	«	45

		Стр.
Не смыкаю глаз.	Перевод С. Сомовой	46
Улыбнись мне.	« «	47
Есть люди такие!	« «	49
Жизни не хватает.	« «	50
Воин Джуробек.	« «	51
Девушка из Мары.	« «	53
Джоомарт.	« «	54
Киргизская звезда.	« «	56
Острослов.	« «	59
Как мне быть?	« «	61
Адалат.	« «	62
Османкулу.	« «	63
Девушка-почтальон.	« «	64
В песни они перешли.	« «	65
Дедушка.	« «	67
Тай-тай!	« «	69
Покатит сын на санках.	« «	72
Ни крошки хлеба...	« «	73
Песня деда.	« «	74
Шелковод Беженей.	« «	76
Добрая привычка.	« «	77
Только бы быть молодым!	« «	78
Джамал.	« «	79
Солдатская песня.	« «	80
Письмо Зуре.	« «	82
Из фронтовой тетради.	« «	84
Один день в Барскооне.	Перевод В. Семенова	100
Тебе, Тегене!	« «	103
Нарын.	« «	105
Аблатунской скале.	« «	111
Чийырчику.	« «	113
Кара-Кульджа.	« «	115
Тюрдюк.	« «	118
Джузумджан.	« «	121
Зеленый город мой.	« «	126
Город возрожденной юности.	« «	128
На Бозбу.	« «	131
Подари мне песню.	« «	136
День на Алайском поле.	« «	139
Краше не найти.	« «	143
Прекрасный уголок.	« «	149

По берегу Сары-Челека...	«	«	152
Моя республика.	«	«	155
Хочется расцеловать!	«	«	160
Дружеский привет.	«	«	165
Хлопководу.	«	«	168
Толгонай.	«	«	171
Чудеснице Шозоде.	«	«	173

Поэмы

Кубат.	Перевод <i>В. Семенова</i>	181
Кундузкан.	«	286

Темиркул Уметалиев

ВЕСЕННИЕ СТРУНЫ

Стихотворения и поэмы

Редактор *К. А. Дроздов*

Оформление худож. *Толстокулакова*

Худ. редактор *И. А. Ефимов*

Тех. редактор *С. Чотиев*

Корректоры *В. Я. Черноусова, Т. П. Анилко*

Сдано в набор 8/III-1961 г. Подписано к печати 20/VII-1961 г.
 Д-02327. Бумага 70×92¹/₃₂. 9,87 физич. печ. л., 11,5 условн. печ. л.,
 10,8 учет-изд. л. Тираж 5000. Заказ 744. Цена 64 к.

г. Фрунзе, типография Министерства сельского хозяйства
 Киргизской ССР

